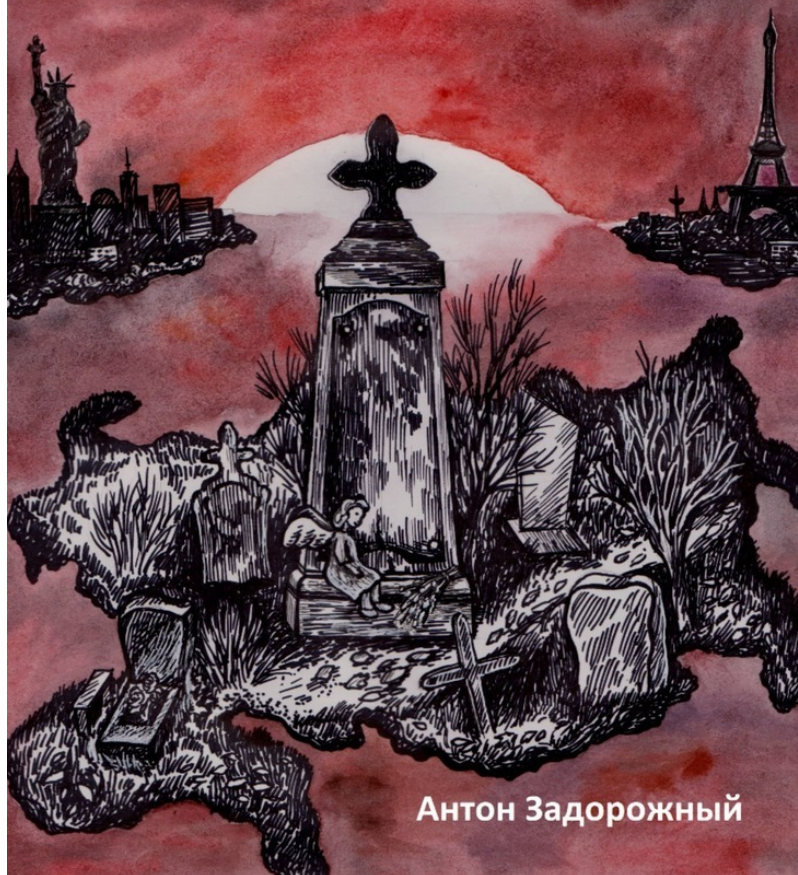

МЫ НИКОГДА НЕ УМРЕМ

Антон Задорожный

Антон Сергеевич Задорожный

Мы никогда не умрем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43722837

ISBN 9785005036742

Аннотация

В сборник петербургского писателя Антона Задорожного вошли реалистичные повести и рассказы, написанные в 2008—2019 гг. Жесткая, местами горькая, но романтическая проза. Автор пишет о проблемах маленького человека, конфликте поколений, осмыслении российского прошлого и современности, природе творчества, вопросах жизни и смерти. Произведения в этой книге связаны одно с другим, увлекают и завораживают, побуждая читателя задуматься, есть ли выход из замкнутого круга жизненных обстоятельств? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Добрый самаритянин	6
Прогноз погоды	13
Не повезло	21
1	21
2	31
3	39
Перерождение	48
Стоимость	62
Кошелек	66
Триптих	74
I. Проверка	74
II. Выбор	80
1	80
2	87
3	92
4	100
5	107
6	109
7	114
8	118
9	120
III. Жизнь после смерти	123
Столкновения	135

Жестокие времена	151
Пролог	152
1	168
2	179
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Мы никогда не умрем

Антон Сергеевич Задорожный

Редактор Илья Попенов

Иллюстратор Александра Ветрова

Корректор Дарья Суховей

© Антон Сергеевич Задорожный, 2019

© Александра Ветрова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-3674-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Добрый самаритянин

Памяти писателя Леонида Андреева

– В-о-о-т, залетай, крассава! – прогромыхал водитель. – Ну а чего, я же не гордый, смотрю – ты «голосуешь». Погонял масло в голове, дай, думаю, подберу. Один хрен ехать скучно, сам понимаешь. Радио надоело так, что сил нет, а тут – лишние уши.

– Спасибо вам, дорогой, только я не разговорчив, – ответил парень со сдержанной добротой и тут же испугался: а вдруг высадит?

Вместо этого водила промолчал, выкурил, сдувая пахучий дым в щель окна, сигарету, ответил без напускного пафоса:

– Молодежь щас – один понт.

– Откуда вам знать, какие мы? – спросил парень, невольно зацепившись за обвинение. Не хотелось слушать по дороге проповеди.

– Вот ты и попался! А вообще понятно: не дают жить нормально – приходится жить ненормально. В любом возрасте озвереешь по такой схеме... Куда едешь-то?

– В гости.

– В гости... – повторил водила, впервые внимательно взглянув на транзитника. – Значит, скажешь, где мне остановиться, а то я со своим Альцгеймером хуже Сусанина, да?

– Балда! – ответил в рифму попутчик, звонко рассмеявшись.

– В-о-о-т, совсем другая игра пошла. Вот это я понимаю! – похвалил спутника, молодого парня лет двадцати, дальнобойщик. Следя за дорогой, он не умолкал, и речь его казалась душной, монотонной и напористой, но все больше привлекала внимание. – Значит, тебе знакома дорога в Боровичи?

– Да, бывал там пару раз, – кивнул, жмурясь от бьющего в глаза солнца, пассажир. Дальнобойщик предложил ему надеть свои затемненные очки, но тот отказался, достав из своего рюкзака кепку, чтобы спрятаться от солнечных лучей под ее козырьком.

– Место со спокойной жизнью обеспечивается за счет промышленности – заводов понатыкали еще с тех, царских, времен. При Союзе развили, люди работают, – продолжил водитель, надев в свою очередь очки. – Магазинов понаставили, а дороги там, особенно если свернуть с трассы на Окуловку, до сих пор убитые.

– Магазины магазинами, а все равно деревня, – отмахнулся парень.

– Ой, да ладно тебе. Так вот, дорога. Едешь ползком вялый, скучаешь и нервничаешь, что теряешь время.

– Прямо уж?

– Ну а что сделать? Обочины ведь нет никакой. Плетешься на нуле почти, каждая яма как подруга родная.

– Ясно.

– Ясно ему... – с недоверием покосился водитель в сторону. – Местами покрытие становится терпимым, стелется коричневой чешуей на полкилометра, а потом снова – канава, кое-где заделанная кирпичами. Опять же, с местного завода огнеупоров. Ехать по этой яме сплошное удовольствие. Вот почему бомбилы за маршрут из Боровичей в Окуловку берут уже по три «рубля», по три тысячи.

Спутник с понимающим видом согласился, впервые сообщив, каково это – мотаться туда-сюда. Без альтернативы:

– Проехался так раз, и можешь ставить машину на прикол.

– Да. А главные приколы впереди, – ответил мужчина, переключив передачу. – Помогал я однажды другу с переездом на газельке, да так помог, что мебель при транспортировке разьебал. По такой дороге.

– Помогать еще уметь надо.

– Надо думать, кому помогать, – перебил слушателя рассказчик с непонятым пока раздражением: – Переехал, он, кстати, благополучно: новая квартира, молодая семья, да еще на комбинате повышение.

Подумав о том, что человек – везунчик, сорвавший джек-пот, парень услышал продолжение:

– И едет он такой, ошарашенный, на своем Toyota Yaris, спешит домой, радуется. Дождик крапает, все по красоте.

Припоминая ландшафт, пассажир представил себя на ме-

сте счастливого человека. Представил, будто бы это он возвращается из Петербурга в Боровичи под сизым предгрозовым небом на своей тачке и в хорошем расположении духа. Пускай мимо проносятся машины, редкие избушки – некоторые нежилые и разбитые, и только мрак выглядывает наружу. Посмотри по сторонам, и увидишь: кто-то держит баню, и тут же – придорожное кафе. А здесь местные продают пирожки, дым коромыслом из самоваров...

Голос водителя зазвучал теперь как бы со стороны:

– Сворачивает на Окуловку, смотрит на себя в зеркало заднего вида и, улыбаясь, говорит своему отражению: – Как ты к людям, так и они к тебе. (Любимая его фраза.) Едет дальше, и уже не дождь, а гроза, мать ее...

– А дальше?

– Дальше видит: стоят у дороги двое, мокнут под ливнем, голосуют, и никто возле них не останавливается, не подбирает. Честный, он сам ожидал от остальных такой же, зеркальной, я бы сказал честности, – невесело поморщился о чем-то дальнобойщик. – Верил в людей и людям, в общем-то, нравился. Меня называл пессимистом, когда я втюхивал, что не все вокруг так радужно... Короче, пожалел тех двоих в тот вечер. Сбавляет ход, включая поворотник, подъезжает. Опускает стекло, наклоняется и спрашивает: «Вам докуда, мужики?» Добрый, мать его, самаритянин...

Слушатель тревожно заерзал на своем высоком потертом сиденье, в ожидании недоброго, спина его вспотела. Солнеч-

ный свет летнего дня лился теперь через окно, ложился своим теплом на щеку парня, но ему пахнуло тревожной сыростью из чужого прошлого, дверь в которое ненадолго приоткрылась. Он услышал шум дождя, пронизывающего насквозь каждой каплей.

Двигаясь следом за словами говорящего, уверенно держащего руль, он представил, как:

– Один из них растянул пакет над головой, придумал от дождя крышу. Носом хлюпает, мерзнет. – В голосе водилы теперь слышалась злость вперемешку с обидой. Очередная, недокуренная и до середины сигарета улетела за окошко, словно воспоминания, которые хочется поскорее проехать, оставив далеко позади. – Второй посерьезней, а вроде и попроще, отвечает, куда им. За спиной висит рюкзак, может, типа как у тебя, из которого торчит горлышко бутылки. Понятно, – думает друг, – как они отдыхать собрались.

– Залезайте, раз по пути, – открывает им двери, забираются, трогаются. Дождь становится тише.

– Ничего, что мы так, не задержали? – спрашивает друга тот, который уселся рядом.

– Ай, – махнул рукой водитель, держась на позитиве, – не проблема.

Проезжают очередную деревушку. Плетутся, пока дворники умывают лицо автомобильного стекла дождем.

– Да-а-а, – подает голос тот, что сел сзади. – А нам сейчас в баню, там у нас корешок свой, девочки. Айда с нами?

– Не, я домой. Еду из города, так что в другой раз. – Когда дошло, он рефлекторно бросил взгляд в зеркало заднего вида, отстегнул ремень, резко нажал на тормоз, но – поздняк метаться.

– Убили?.. – спросил парень уже не своим, повзрослевшим, металлическим голосом. Вопрос превратился в констатацию факта и не требовал пояснений. – Окей. Тогда скажи, упырей-то поймали?

– Поймали. Задушили его пакетом, обворовали и ушли, бросив в лесу вместе с машиной. Пропалились по кредиткам.

– И все из-за чего!

– Помочь хотел...

Оставшуюся часть пути ехали молча, изредка вздрагивая в такт мощным колесам фуры, проглатывающей под собой асфальт со всеми его трещинами и неровностями.

И когда парень вышел из кабины и поблагодарил водителя за помощь, он пошел куда ему надо было. Фура засопела, как больной каторжник, чихнув гарью, дернулась и, мигая поворотником, вернулась на дорогу, выровнялась и поехала дальше.

Водитель продолжал свой маршрут, молодой человек – почти завершил свой. Остаток пути он прошел вполне благополучно. Оказавшись в объятиях девушки, был рад, что добрался, но весь вечер смутно чувствовал: что-то не так.

И когда наступила ночь, она уснула, спала спокойно, креп-

ко и счастливо, а он долго лежал, глядя на часы в комнате, вертелся во мраке и не находил ответа, почему же не проходит, все мерещится запах бензина, кофе и сигарет, всегда сопровождавший водителя в дальное?

24 июля 2017, Санкт-Петербург, 04:56

Прогноз погоды

Посвящается Вадиму Бурцеву

Он сидел в небольшом похожем на столовую кафе и до-едал свой тосканский суп вприкуску с шавермой. Перед ним соблазнительно стояла чашка, в которой еще теплился кофе. Откусывая кусок мяса в лаваше, покрытом корочкой поджарки, он взглянул на телевизор, висящий под потолком справа: на экране показывали, как человечки играют в футбол.

Он был спокоен и доволен собой – кто понял жизнь, тот не торопится. Поправив пиджак, висящий на спинке стула, он сидел и смотрел в окно, в котором осколками желтого света бликовали лампочки витрин, подсвечивающие привлекательный ассортимент съестного.

Улица за стеклом ничуть ему не мешала, словно бы разговаривала с кем-то полусшепотом. Он мог слушать этот разговор и – это главное – не встречать в беседу: автомобили проезжали мимо почти бесшумно, чередовались без всякой закономерности с прохожими, велосипедистами, пенсионерами, хипстерами и девушками в платьях.

Некоторые заглядывали в окно кафе – как, например, эти две подружки в джинсовках, – замедлив аккуратный шаг своих стройных ножек, они пытались посмотреть вовнутрь,

куда-то сквозь Виктора, посоветовались и, решив найти другое место, с улыбкой продефилировали дальше.

За их спиной притормозил перед зеброй микроавтобус с детьми, отправившимися на экскурсию по городу. Любопытный школьник, прилипший щекой к стеклу, встретился с Виктором взглядом. Он помахал ему ложкой, и мальчишка расхохотался.

Блеснул изумрудом стеклянный глаз светофора – взглянул повелительно – проезжай! Автобус с детьми послушно укатил дальше, а Виктор посмотрел на уголок дома напротив – над его крышей медленно, как советский ледокол в водах Арктики, проплывало тяжелое облако. Облако не спрашивало – оно пожирало солнце, обволакивая легкую лазурь неба серым одеялом.

Допивая свой кофе, он заметил, что улица начала меняться: краски потеряли свою яркость, и даже вывески магазинов приобретали угрюмый монохромный оттенок. Перед дождем пространство кафе затемнилось, и Виктор вспомнил совсем недавнее утро: по-летнему свежее, теплое, почти безоблачное, оно как бы намекало: молодец, что приехал.

Теперь прохожие выглядели растерянными – бегали туда-сюда по лужам, спешили, сталкивались с незнакомцами локтями, как петухи в стычке с себе подобными.

Не испытывая сожаления, он смотрел, как их накрыло серым, пепельного цвета дождем и думал, глядя на белесое пятно солнечного света на таком же сером небе, что и в жиз-

ни так же – если и есть немного света, все равно будет мрачно.

Час назад, когда он зашел в кафе, посетителей в полупустом зале было мало, и ему показалось странным, что одна и та же дверь для одних служила входом, а для других выходом.

Погода переменилась, и Виктор подумал, что сильные осадки на руку общепиту – в оживленном суетой городе люди вечно торопятся, а теперь захотят скрыться от косых стрел дождя, который не выбирает, куда ему выстрелить.

В заведении случился аншлаг. Стало шумно и, потеряв интерес к тому, что творится снаружи, Виктор решил осмотреться внутри.

Вокруг, раскрывая рты, стуча столовыми приборами по тарелкам, издавали звуки, что-то обсуждая, выпивая и жуя, люди – механические, все как один – разные, они были похожи друг на друга.

В противоположном от него углу, около занавески с раковиной, сидели в обнимку парень и девушка, оступело и невыразительно уставились в экраны своих смартфонов.

За соседним столом уселась семья из Узбекистана – муж и жена, державшая на руках ребенка. Мужик уплетал плов, баба уминала шаверму, содержимое которой капало на красную пластмассу подноса, а ребенок беспорядочно крутил ручонками, но не плакал. Мама подбирала кончиками пальцев кусочки мяса и капусты и отправляла себе в рот. Отец ел

со вкусом, пачкая себе подбородок.

«Даже если сейчас начнется война, ты ничего не заметишь», – подумал Виктор, обмакнув салфеткой губы. Ему стало стыдно за то уродливое, свидетелем чего он стал, и остро почувствовал, как испортилось настроение.

Без особого удовольствия – в такой-то компании! – расправившись с ланчем, посетитель решил, что ему пора. Посмотрел, едва улыбнувшись, на свой строгий чемодан – сплошь черный, с хорошими и тугими блестящими замками, поправил часы на руке и услышал, как в очередной раз беспокойно зазвенели колокольчики над дверью – кто-то вошел внутрь.

Обернувшись на звук, он увидел, как, впуская за собой свежесть в потускневший от хмурой погоды зал, наполненный сухими и горячими пряными запахами пищи, вошла девушка. Остальные были зациклены на себе.

Цепким и внимательным взглядом, словно маркером, он обвел глазами девушку, которая поспешно вошла внутрь и так же бегло осмотрела витрины: жареная картошка, посыпанная укропчиком, плов, рис, макароны, мясо по-французски, супы и булочки – все это не вызвало отклика.

Руки ее немного дрожали, вызывая впечатление хрупкости. Обратив внимание на ее бледность, Виктор сделал вывод, что ей было холодно и она забежала сюда скорее отогреться, нежели поесть.

Хрупкое создание, она показалась ему единственным по-

настоящему живым существом в этом заведении. Помимо него, конечно. Заинтересовавшись, как голодный паук интересуется мотыльком, не имеющим никакого представления о ловушке, в которую может угодить, он стал наблюдать, что будет дальше.

Она заказала себе куриный бульон, от которого шел пар, пару треугольных кусочков хлеба и компот. Рыжие, слегка промокшие волосы собрала в хвостик, так ловко, как умеют только девушки. Взяла поднос и... обнаружила, что все места заняты. «Ну конечно же, погода не подвела!» – раздраженно выдохнула посетительница в попытке улыбнуться.

Обмакнув салфеткой губы, он убрал чемодан с соседнего стула и с улыбкой, с которой молодые люди встречают подругу, которую давно хотели увидеть, предложил вошедшей:

– Присаживайтесь, возле меня есть место.

На лице девушки с подносом отразилось мимолетное сомнение, причина для которого оставалась не ясна. Миновав бессознательную паузу в пару секунд, она с благодарностью отреагировала:

– Как удобно, спасибо!

Виктор молча сходил за новой порцией кофе – как бы не обратив внимания на ее похвалу. Он взял две чашки, чтобы выпить с ней вместе.

– Хорошо, что вы здесь оказались. Кстати, это вам, – протянул ей американо.

– Ну что же вы. Сколько с меня?

– Ешьте спокойно, а то остынет. Сюрприз.

Услышав этот мягкий приказ, она окончательно расслабилась и, расправив плечи, принялась опустошать тарелку супа.

– Если честно, я уже собирался на выход, но встретил вас и решил, что куплю вам кофе. Вы же не против?

– Ну... Кто же откажется от бесплатного руссиано! – рассмеялась она, принимая подарок. – Я Ася. А вас как зовут?

– Виктор... – Он решил представиться своим настоящим именем. – Зовите меня Виктор.

Пожали друг другу руки. Ее ладони теперь потеплели.

Проверив, на месте ли чемодан, который поставил под стол, он протянул:

– М-да...

– Что такое?

– Ну и погодка. Не замерзли? – спросил он, взглянув в ее глаза.

– Было зябко, – ответила она, откусив кусочек хлеба. – Я еще и зонтик забыла.

– Печально, Ася, печально.

Еще не решив, что ему с ней делать, он посмотрел в телевизор. Где-то там, будто в другом мире, первый тайм футбольного матча подошел к концу. Человечки из телека ушли на перерыв.

– Ай, сама виновата. Надо было глянуть в интернете перед выходом.

Отвлекаясь от красоты собеседницы, он вновь взглянул на экран. Теперь телевизор показывал рекламу.

– Вы верите в прогнозы погоды? – спросил он откровенно и чуть-чуть устало.

– А вы нет? – Девушка торопливо доела суп, чтобы выпить с ним кофе. К компоту она так и не притронулась.

– Только в то, что я делаю, Ася. Только в это.

– Чем же вы занимаетесь? – спросила она, с любопытством вглядываясь в его карие глаза.

– А вы спрогнозируйте, – сказал он, допивая свой кофе.

– Эмм... пашешь в Сбере? – предположила она игриво.

– Из-за пиджака и рубашки, так ведь?

– Ага. – Ася была удивлена, как быстро он ее разгадал. «Какой ты интересный!» – Значит, ошиблась.

– Ошиблась, – улыбнулся он.

Улыбка погасла, как только Виктор увидел, что семья уродов откушала и собралась на улицу: женщина с ребенком даже не подумала вымыть руки. Эта картина заставляла вспомнить, почему он испытывал неприязнь к людям.

– Что-то не так?

– Вспомнил, что мне пора.

– Жаль, может...

– Приятного аппетита, Ася.

Когда она обернулась, Виктора уже не было в зале. Только колокольчик над дверью остался звенеть за спиной, как комар над ухом.

Он был наемник – профессиональный убийца, крепко знающий свое дело. На улице его настроение улучшилось – впереди еще было много дел.

12 мая 2017 года, 04:48

Не повезло

Человек духовной свободы «сверхновой» эпохи вынужден постоянно балансировать на вершине пирамиды, среди психологических координат которой – ответственность за свободу и одиночество в ответственности. Поэтому слишком часто оказывается значительно проще соскользнуть с вершины.

А. И. Извеков. Взросление человечества: кризис переходного возраста.

1

Субботнее утро началось для Аркадия с выпуска новостей по местному телеканалу. Попивая кофе, он краем глаза просматривал повтор вчерашнего репортажа о пожаре в северном районе их городка. Видеоряд был тем же, что и вчера (это дешевле, чем снимать об одном и том же дважды), – пожарные, выходящие из подъезда, отравившаяся угарным газом старуха, которую санитары закинули как дрова в салон «скорой», и все такое. Однако сегодня стало известно, что в результате возгорания погиб один человек, тогда как бабушку удалось откачать.

Аркадию, честно говоря, было плевать на то, что он увидел. Наверняка какой-то алкаш уснул с сигаретой в руках – делов-то! Больше всего Аркадия беспокоило, что он не мог полноценно выспаться уже третью ночь. Меньше всего он предполагал, что его будет мучить совесть... Отставив полупустую кружку с черным крепким напитком в сторону, он услышал шорох знакомых тапочек по коридору квартиры – жена проснулась. Услышал, несмотря на то, что в кухне тихонько работал телевизор. Вероятно, разыгравшаяся бессонница обострила его слух, делая еще более раздражительным.

– Привет, дорогой, – сказала она тихонько, обвив его шею своими ладонями, нежными, словно шелк.

– Привет, – ответил Аркадий, непроизвольно освободившись от ласковых объятий жены.

– Ты чего? – спросила его Наташа, начиная думать, что у Аркадия появилась другая. Обычно он такой добрый и собранный. А в последние дни сам не свой. Вдруг мечется?

– Да просто спал плохо и не до конца проснулся, – отозвался он.

– Ммм, а что смотришь?

– Да вот, про пожар опять показывают. Ничего особенного. А как Ванечка, еще спит?

– Да, – неуверенно ответила Наташа своему супругу, зевнув. – Вроде.

Тем временем ребенок проснулся и понял, что остался один в опустевшей без родителей комнате. Пятилетнему

мальчику больше всего на свете этим утром хотелось кушать и обняться с мамочкой.

– Мамочка! – крикнул он и, не услышав ничего в ответ, вскочил с кровати и понесся на кухню. Может, она там?

– Доброе утро, сынка! – выдавил из себя улыбку папа, погладив ребенка по голове.

– Привет, пап! – воскликнул Ваня, сразу потянувшийся обняться с мамой, но Аркадию вдруг почудилось, что вместо пятилетнего ребенка его поприветствовал коллега по бизнесу.

– Тихо, тихо. Заобнимаешь меня сейчас, – с деланой ласковостью протянула мама. Ваня чувствовал, что мать его недолюбливает, но, как любой маленький мальчик, хоть и смысленый, доказать этого не мог и хотел бы думать, что ошибается. Мир взрослых был ему пока недоступен. Он жил впечатлениями, сиюминутными действиями, желаниями и фантазиями. А еще, как и любой другой ребенок, не требовал больше, чем следует. Ванечка всего-навсего хотел немного любви.

Отстранившись от мамы, он немножко покраснел от утреннего прикосновения холодной обиды и пошел чистить зубы. Если он вдруг расплачется, мама не увидит его слез. Мальчик не мог с собой ничего поделаться и нехотя в своей памяти возвращался к событиям трехдневной давности. Он на детской площадке, и, пока папы нет рядом, мама орет на Ваню, играющего в мячик. То он, видите ли, пинает его

слишком сильно, то слишком слабо. То кривляется, то стоит «как дерево». Список можно продолжить.

– А каким мне быть?! – завопил ребенок, разрываясь от непонимания.

Ответа не последовало, и дальше произошло следующее. В свете заходящего июньского солнца лицо его обычно красивой мамы приобрело пугающий кроваво-красный оттенок. Сейчас он уже не был уверен, но тогда ему казалось даже, что на ее скулах и лбу виднелись капельки пота. «А что если это – не мама, а чужая мне тетя?» – подумал мальчик, вспомнив ненарочно сказку про Бабу-Ягу. Мама что-то кричала в его сторону, но он ее не слышал. Уши будто бы заложило, и Ваня расплакался, закричав в голос.

– Что ты орешь как резаный?

– Ма-м-а!!!

– Пошли домой, я сказала! Не можешь играть спокойно – пойдешь у меня ныть дома.

– Я не хочу-у-у домой.

– Да мне-то какое дело?! Сиди и плачь в своей комнате, нечего меня на людях позорить! – крикнула на него мама Наташа, нервным движением поправив челку.

Пока женщина подходила к ребенку все ближе и ближе, мальчик испуганно заслонялся от нее футбольным мячом, как магическим щитом. Судя по тому, что мяч оказался в руках мамы Наташи, наивная детская магия оказалась бессильна против родительского нехорошего настроения...

В комнате Ванечка долго плакал в подушку. Он тешил себя надеждой, что, когда вырастет, то никому не позволит себя обижать. Тем более маме. Смутно, неясным для себя образом он начал просекать, что с мамой творится неладное. Что другие мамы не ведут себя так с его друзьями из садика. А если ведут, то это очень плохо, и такие мамы оказываются в тюрьме.

«Я знаю, что она меня любит, но почему я этого не чувствую?» – спросил он сам себя перед тем как заснуть в тот унылый вечер, когда отца не было рядом. Следующие несколько дней ребенка больше всего задевало, что папу она любит больше, чем его самого.

В один из таких дней, умывшись после сна, мальчик понял, что мама до сих пор не попросила прощения за свое поведение на детской площадке. Хотя, стоит им только поругаться с папой, как мама сразу бежит с ним мириться. Что за несправедливость? Ваня не знал, почему так происходит, да ему и не было интересно. Он решил, что сейчас будет здорово покушать, а потом, если папа не сможет с ним поиграть в конструктор, то он попросит у отца «планшетник».

Наташа, размораживая в микроволновке блинчики с вареньем, думала о том, что, наверное, зря пошла на усыновление Вани. А ведь пять лет назад, когда стало известно, что она бесплодна, решение казалось таким правильным...

Вздыхнув, она предложила Аркадию ненадолго оставить ребенка одного дома и пойти к друзьям, развеяться.

– Одного? – засомневался муж.

– А чего такого? Мы же ненадолго. Пусть вон сидит, книжки читает, к школе готовится.

– Ну не знаю. Давай возьмем его с собой, пусть с Танькиными детьми поиграет, – не особо упорствуя, предложил Аркадий. На самом деле ему было ни до чего сейчас. Он вспоминал, как три дня назад за городскими гаражами, в двухэтажной «заброшке» пустил пулю в лоб своему давнему другу. Другу, с которым они начали заниматься недвижимостью еще в середине 90-х годов. Пулю в лоб.

Их дружеские намерения вести честный бизнес в те смутные времена казались ему сейчас весьма наивными. Поначалу получалось неплохо, но вскоре выяснилось, что совместными усилиями подводить фирмы под банкротство намного интереснее и прибыльней.

Но времена меняются. Кто же знал, что в кризисный год нулевых Аркадий хладнокровно пойдет на убийство друга?

– Ничего личного, Костя, это просто бизнес, – говорит ему Аркадий, как не раз говорил переводчик Володарский, если вы смотрели боевики на VHS, взятые в видеопрокате. – Жаль, когда лучшие друзья негласно превращаются в конкурентов. Очень жаль.

– Да стреляй ты уже!.. – чавкал, глотая звуки, избитый Константин. Лицо в крови, челюсть разбита. Выплюнул осколки зубов и улыбается.

Смотрит в глаза вместо того, чтобы просить пощады. Под-

зуживает спустить курок. Ждет смерти.

Аркадий не был готов к тому, что видел, и это его пугало.

– Щас, будь уверен. Только глушак привинчу, – ответил он строго и тут же прибавил, как в прежние времена, по-дружески: – Кость, скажи, каково это вот так – тебе страшно?

– Нет, – прошипел Константин, сплевывая жидкость, сочащуюся из ран его распухшего языка. Боли он уже не чувствовал и говорил невнятно, как после анестезии на приеме у стоматолога.

«Одной ногой в могиле, и сидит довольный. Не понимаю!»

– Как же так, дурачок? Я же сейчас в тебя выстрелю, тор-мозок, – недоумевал он, рискуя потерять самообладание.

– А так... – Костя согнул ноги в коленях, как подросток, устраивающийся поудобнее. Приговоренный к смерти оперся о пыльную стену, от которой несло сыростью. – Иногда признать поражение – это уже победа, Кеша. А деньги забирай... Нахрен мне твои деньги. – Костя выдохнул, спокойно закрыв глаза.

– Аа-а-а-а-а-р! – сорвавшись на крик, Аркадий выпустил всю обойму в лоб того, с кем когда-то давно выпускался из школы, пил на брудершафт и даже делил девчонок.

Между тем умывшийся ребенок уже прибежал в кухню и охотно сел за стол, наострив ушки. Пахло разогретыми блинчиками.

– На, поешь, – с фальшивой улыбкой сказала Ванечке ма-

ма, обдумывая, каким образом оставить усыновленного одного дома. Честно говоря, она видела в этом отпрыске конкурента себе, любимой. Аркадий его любил, и узнай он, что Наташа вытворяет с мальчиком, ей бы не поздоровилось.

И пока ребенок уплетал полуфабрикаты, а его отец мучился внезапным приступом головной боли, от которой терял последние остатки разума, до Наташи дошло, как она может уделывать маленького засранца. Ведь лучшая защита – это, как водится, нападение:

– Мы сейчас пойдем гулять с папой, а ты давай посиди за книжками. Раскраску я тебе еще вчера приготовила, можешь порисовать.

– Что, какое порисовать? – запротестовал Ванечка. – А планшет?

– Ты как себя вел на днях, на площадке, помнишь? Какие тебе после этого игры, а?

– Я хочу пойти с вами. Меня в садике хвалят.

– Ну и что, что хвалят! Что ты опять клянчишь? Не видишь, папе плохо? А ну ешь давай молча.

– Так, хватит. Дети не должны страдать, – защитил сына Аркадий, выключив телевизор.

– Как будто я должна, – воинственно приподняла правую бровь Наташа. Этот мимический жест обычно означал: «Еще чуть-чуть, и секса тебе сегодня не видать».

– Все должны страдать, мам, – произнес Ваня, откусив блинчик. – Такова жизнь.

Устами ребенка глаголет истина, тем более Ваня хотел поскорее вырасти, чтобы начать решать за себя самому, куда ему идти и что делать.

Услышав это, Наташа... нет, не рассмеялась, не похвалила ребенка за философское прозрение и даже не посерьезнела. Она закатила глаза, что не укрылось от мужа, внимательно наблюдавшего за происходящим в тот момент. Обладая огромными деньгами, тот мог запросто избавиться от Наташи. Но ребенку нужна хоть какая-то мать, а не гувернантка или шлюха, прости Господи. Не сворачивать же ему сейчас бизнес, правда?

Ответив на немое недовольство супруги взглядом, красноречиво говорящим ей: «настанет день, и я тебя брошу, подожди», Аркадий смягчился и добавил:

– Извини. – Прощенья он просил не у сына. Отношения с женой сейчас дороже, ибо их ссоры непременно отразятся на ребенке. К мальчику он обратился со словами:

– Ванюш, у меня сегодня болит голова, надо пройтись с мамой.

На что мальчик вскричал:

– Раз болит голова, раз тебе плохо, почему ты не останешься?! – Не найдя ничего лучше, чем можно было бы ответить сыну на его справедливый, но несуразный выпад, Аркадий процитировал Константина, наконец-то поняв глубину его предсмертной мысли:

– Послушай, признать поражение – иногда это уже победа.

Потерпи. Я скоро вернусь.

– Хорошо, – обронил Ванечка, успокаиваясь. Ни слова не говоря матери, он вышел из кухни и направился в комнату.

Наташа засияла от радости, как, быть может, сияют злорадные мачехи, заставляя золошек выполнять грязную работу. Ее собственнические глаза наслаждались болью ребенка. «Аркадий только мой», – светили они нездоровым пламенем ревности.

– Ну что, дорогой? Пойдем собираться?

– Да, пожалуй, – вздохнул предприниматель, едва заметно улыбнувшись. Как же не улыбаться, если эта баба в свои тридцать лет так ничего и не поняла в жизни? Курица. Он вспомнил, как бы невзначай, что семь лет назад прибрал ее, больную сифилисом молоденькую проститутку, к рукам, выкупив у местных кавказцев. «Дурочка, где бы ты была сейчас, если бы не я?» – думал он. Как же тут не радоваться?

– Наконец-то ты снова улыбаешься! Давно я не видела, – радостно прошептала жена. – Куда пойдем?

– Скоро узнаешь, – загадочно ответил Аркадий, представив, как же будет хорошо, если однажды Наташа составит Константину компанию...

– Как же мне с тобой повезло, любимый! – подытожила Наташа, поцеловав супруга.

Ясное дело, он не стал ее переубеждать.

2

Кто говорит, что жизнь – простая штука, тот ошибается. Не более прав и тот, кто уверен, что она обязательно сложна. Путь к золотой середине между одним и другим у каждого человека свой, и в признании его неповторимости, наверное, и состоит секрет сохранения духовной свободы.

Анька была сексуальной студенткой медицинского колледжа. Учась на медсестру, она нашла в себе силы подрабатывать сутки через трое в хосписе, за чертой города, в котором родилась и жила вот уже двадцать лет.

Девушка считала, что нет более циничных людей, чем психологи, врачи и педагоги, но она знала и то, что без доли цинизма в работе таких людей никак нельзя. Также она знала, что работа медсестры или санитарки сродни служению любящей матери – своему ребенку, солдата – своей стране, волонтера – нуждающемуся.

Обучение сестринскому делу залечивало ее эмоциональные раны, которые она получала в первые месяцы ухода за умирающими детьми. В учебе она набиралась новых знаний и сил, позволяющих ей помогать пациентам выиграть их персональную борьбу – с жизнью или смертью – в те часы одиночества, когда психолог не мог оказаться у постели терминального больного, а родители отказывались переживать печальный финал вместе с осознающим приближающийся

конец ребенком.

К примеру, – узнала она из работ известного психиатра Д. Н. Исаева, – лишь в середине прошлого столетия специалисты начали замечать, что переживание ребенком собственной смертности и факта собственного умирания значительно отличается от переживаний взрослого человека – в зависимости от возраста, опыта, воспитания, мировоззрения и прочее. До этого считалось, что дети умирали, и все. Они же – маленькие, не сформировавшиеся, какие тогда могут быть особенные волнения? Что смерть? Пшик. Тьфу! Со всеми случается.

Но это было тогда, а в наши дни Аньку разбирала злость на чиновников, по представлениям которых, маленькому ребенку не нужны наркотики в целях облегчения их боли. Эти вообще считают, что дети в РФ не умирают. Иначе не понять, почему педиатр не имеет права выписать родителям угасающего ребенка необходимые обезболивающие препараты. Больница и хоспис разделены как функционально, так и законодательно, ведь в первых умирать не положено – разрешено только лишь идти на поправку.

Ей не хотелось отводить глаза в сторону в случае некорректного обращения с пациентами хосписа, которым обеспечивают уход из жизни в подходящих для такого события условиях. Какой смысл в облегчении страданий, если ты будешь относиться к умирающему как к дровам, которые скоро отправятся в печку?

Дабы не перегореть, Анька выбрала для себя вариант трудиться хорошо настолько, насколько это возможно в хосписе, не пытаясь переживать за всех и каждого.

Умение отстраниться от эмоций и вместе с тем признать смерть как данность, которую придется встретить каждому, помогло девушке не зачерстветь. Очень скоро она почувствовала, что столкновение со смертью – это испытание, не выдержав которое, можно разочароваться в жизни. В среднем за одну календарную неделю в отделении хосписа отправлялись на тот свет десять человек. Ведя подобную статистику, можно было бы легко сойти с ума, ведь в сравнении с покойными легко ощутить себя если не бессмертной, то хотя бы – долгожительницей. Со временем для Ани стало привычным уходить домой после смены, держа в памяти одних людей, а возвращаясь, встречать на их месте совершенно других.

Немало сил потребовалось ей на то, чтобы научиться забывать об ушедших. Чтобы не послать все к черту, девушка напоминала себе, что существует жизнь за стенами этого учреждения, из которого она всегда может уволиться. Поэтому она часто отвлекалась от чужих трагедий общением с друзьями, походами в кино или театр, поездками на окраины их городка, который заезжие москвичи часто называли поселком. И вот несколько месяцев назад Анечка, девушка с русыми волосами и глазами зеленого цвета, встретила свою любовь. Она надеялась, что этот мужчина в ее жизни не Оче-

редной, а Последний.

Хотя некоторые знания в области нормальной физиологии и биохимии убавляли очарование нахлынувших на нее чувств. Аня была довольна отношениями со своим бойфрендом: была бы она кассиром в торговом зале, ей было бы невдомек, что переживание высшего момента сладострастия становится возможным вследствие продуцирования гормона окситоцина.

Однако позднее девушка пришла к пониманию: жизнь пластичнее, чем любые политические режимы или сухая наука, пытающиеся заточить человека в неволе рамок закона и строгих фактов, лишив возможности выбирать для себя самого, что делать и зачем, а главное, нужно ли вообще делать что-то?

Этим утром Анечка проснулась от приятного сна, в котором она занималась любовью со своим молодым человеком. Ощущения были настолько живые и настоящие, что можно было бы запросто перепутать эту субъективную реальность с действительностью внешнего мира.

Он взял ее на кухне, проникнув в ее горячее и уютное лоно (температура внутри которого всегда несколько выше, чем в остальных частях тела), а затем они продолжили свой сексуальный марафон в его комнате. «О боже, даже ножки подкашиваются», – мурлыкала она, облекая свое приятное признание в сладостный вопль желанного оргазма, разливающегося пульсирующим теплом из ее паховой области по ру-

кам и ногам. Внутри нее, казалось, светило солнце, расправляющее свои лучи во все стороны Вселенной.

Во сне, спустя некоторое количество времени, он начал ласкать ее между ног. Девушка ответила ему взаимностью, обхватив ставший крепким, выросшим в размерах и устойчивым половой член. И вот уже Анька чувствует нежное удовольствие, которое она получает не только от своего партнера, но то, которое доставляет ему своими ритмичными движениями нежной руки.

Но почему в следующую секунду в ее голове зазвенела паника от фразы, высказанной ею самой: «Ты же понимаешь, что это – измена»? Ответа Анька не знала. Или, быть может, он выскользнул из власти сознания в момент ее пробуждения.

Проснувшись, Анька с улыбкой ощутила, что сон и правда подошел к логичной для происходящего в жизни развязке. Мысленно она назвала себя «мокрощелкой» – поразительно, как метки могут быть словечки, которые вылавливает память, обращаясь к воспоминаниям из средней школы, – и затем пошла мыться. Принимая душ, Анька восхищалась своим стройным и подтянутым женственным телом – вожделенным не только для Виталика, но и, как она порой замечала, для пациентов. Выпрямив свои чистые и ароматные волосы утюжком, она выпила на кухне кефира и съела, будто мышка, кусочек сыра, а затем стала собираться на учебу.

Выйдя из дома на автобусную остановку, в ожидании

транспорта девушка написала своему парню: «Витя, я люблю тебя и уже скучаю. Доброе утро, дорогуля ты мой!» Аня еще раз прокрутила в голове приятные ночные картинки, словно слайды из диафильма, которые любила смотреть в детстве – до появления всех этих «яблокофонов» и прочих вещей, дробящих бриллиантовый мир на постиндустриальные осколки, которые каждый человек вынужден шлифовать по собственному разумению или даже без оного.

– Нет, все же наяву с тобой лучше всего, – прошептала она сама себе, думая о Виталике: о его сильных загорелых плечах, рельефном прессе и даже – шрамике, оставшемся после удаления аппендикса. Сама того не заметив, девушка заскочила в подкативший автобус, прежде чем двери средней площадки салона затворились.

Из колледжа Анька решила пройти пешком. Распрощавшись по дороге к Виталику со своими одноклассницами, которым было с ней не по пути, Анька набрала номер своего парня. Он не брал телефон. «Спит, наверное, соня», – подумала она почти что беззаботно. Эта мысль позволила девушке не волноваться, почему ее молодой человек не ответил на утреннюю эсэмэску.

«Впрочем, мы вместе вот уже четыре месяца, и вполне логично, что конфетно-букетный период подходит к концу», – размышляла она, предполагая дальнейшее совместное будущее с парнем, не зная, что в это самое время он изменял ей со старой знакомой из другого города, куда более крупного,

приехавшей в гости «на чай».

Тем временем Анька проходила мимо жилого дома, на стене которого было написано размытыми черными буквами: «Рудик – сука!», и, чуть ближе к углу трехэтажки: «Сука я, а не Рудик».

Конечно, студентка множество раз замечала эти надписи, но рассмешили они ее только сегодня. Не повезло Рудику, кем бы этот парень ни был. Хотя кто знает, может, Рудику, наоборот, в кайф такая дворовая популярность?

Проходя среди солнечных зайчиков и пляшущих перед ее кедами комочков тополиного пуха, девушка захотела слопать какую-нибудь вафельку, печенинку, шоколадку – хоть что-то. Оставалось совсем недолго до цели, но на кефирчике с сыром вприкуску долго не продержишься.

Решение насущной проблемы было очевидным – купить шоколадный батончик, скушав его по дороге к любимому. Стоя перед кассиршей, девушка со стыдом подумала о несдержанном мужике, зашедшем внутрь поскандалить, что ему она помогать бы не стала. Радуюсь, что «мужчина в самом расцвете сил» оказался выдворен на улицу и укоряя себя за желание нарушить в отношении него непреложные правила профессионального долга и этики, девушка посочувствовала кассирше и выпорхнула из киоска в уличную жару – хотелось поскорее увидеть своего парня.

Полчаса спустя она уже выползла вон из его душной парадной. Она стремилась теперь выскочить на свежий воз-

дух, подальше от липких рук человека, который ее так легко и незамысловато предал – переспав с какой-то питерской шалашовкой! Аня спотыкалась обо всех и все, что попадалось ей навстречу – эти препятствия были для нее невидимыми, ведь она не могла прекратить плакать, а все новые и новые слезы только лишь размывали прежде такую яркую и целостную картину происходящего в ее жизни.

Прошло немало времени, прежде чем письмо Рудику на стене дома вновь стало вызывать на лице девушки улыбку. В тот трагический день Анька осознала для себя, что ставки, которые люди делают, играя в азартные игры с жизнью, не всегда оправдываются.

Испытав чувство глубокой сопричастности к Рудику, больным и умирающим созданиям всего мира, она вдруг сообразила, что неудачи похожи на скальпель, которым можно убить или поспособствовать выздоровлению пациента.

Подобный хирургический инструмент держит в руках каждый. И во власти каждого решить, как им воспользоваться.

Петр Петрович был пятидесятипятилетним мужчиной, который время от времени чувствовал себя стариком, «на все сто». Он жил один, занимаясь тем, что ругал мир вокруг себя. Добровольно изолировавшись, насколько можно, от окружающих его людей, он жил по привычке.

Привычка перед сном выпить кефира, дабы не случилось прободения язвы (которой у Петра Петровича никогда не было). Привычка перед сном отметить в программе телепередач интересные фильмы и ток-шоу следующего дня (это обязательно нужно было сделать фломастером розового цвета, ведь у каждого предмета в трехкомнатной квартире была строго определенная функция). Привычка в полпервого ночи проверить оба дверных замка на их работоспособность, равно как и убедиться в отсутствии жвачки, которую могла бы налепить шпана на дверной глазок, чтобы ограбить его пристанище. Для Петра Петровича налаженный им порядок имел самое первостепенное значение – такая структурированность быта служила подушкой безопасности в любое время года. И вообще, его дом – его крепость.

День его был расписан с самого раннего утра и до позднего вечера. Писатель мог бы сравнить жизнь Петра Петровича с жизнью глубоководных рыб, которые лишь изредка, скорее по привычке, всплывают на поверхность, чтобы за-

глотить немного кислорода. Философ мог бы назвать жизнь этого человека безвкусным существованием, и так далее.

Петр Петрович был ретроград. Человек старой школы, он жил в тени и был вполне доволен своим «уровнем активности». Если же его упрекали в косности, он с готовностью ветерана, который соскучился по борьбе, возражал: «Я жесток в своих принципах, но гибок в их проведении. Принципы – это скелет, костяк. Все остальное нарастет, если основа крепка».

Затворник, он считал себя консерватором и любил действовать по инструкции, соблюдать регламент и не отходить от графика – действовал по плану и только тогда чувствовал себя в безопасности. Почти пятнадцать лет (а если точнее, 14 лет, 356 дней, 7 часов и 8 минут) Петр Петрович вел размеренную жизнь, не впуская в свой душный мир – музей Советского Союза времен его молодости – женщин, и был доволен таким положением вещей. Что до вещей в буквальном смысле, то большую часть свободного времени он тратил на то, чтобы «давать им новую жизнь», – реставрируя ветхие стулья, которые находил на помойке внутри своего зловонного двора.

Психолог, попади Петр Петрович под его наблюдение, мог бы заключить, что подобным невротическим образом он борется с неосознаваемым чувством одиночества и страхом смерти, убивая время за счет ремонта никому не нужной мебели. Например, реанимация чешского стула тридца-

тилетней давности занимала у него не менее недели работы. Нужно все зашкурить, почистить, сделать обивку, покрыть лаком, подклеить, закрепить скобами строительного степлера. В его квартире практически всегда в светлое время суток работал телевизор, верный друг этого одинокого трудяги, представителя технической интеллигенции СССР, живущего во времена, когда бандиты и троечники встали у власти. По крайней мере, он так считал.

Из-за скверного характера педантичного Петра Петровича от него ушла супруга. Они развелись примерно пятнадцать лет назад, супруга его не навещала, и ее отсутствие Петра Петровича устраивало. Лишь иногда, по большим праздникам, трое его детей с внуками заполняли просторную квартиру, нарушая заведенный порядок, после чего все становилось на свои места.

Изредка Петр Петрович сдавал одну из трех своих комнат жильцу и существовал на арендную плату. Помимо этого, он получал пенсию, пытаясь прожить на которую, уходил в ноль. Опять же, приходилось планировать, выхватывая каждый рубль: считать, сколько сигарет он выкурит за день (выкладывал суточную норму на подоконник, дабы не раскурить лишнее), держать в уме, на сколько порций супа хватит трех килограммов картошки (и столько же говядины) и так далее. Петр Петрович мог показаться скупердям, а для него в этом не было ничего странного: то, что приходит на сберкнижку, – это кошкины слезы.

Вскоре жилец съезжал, благодаря Бога за приобретенный экстремальный опыт, и вновь Петрович оставался один, а квартира опять пряталась от своего хозяина под слой пыли, которого мужчина чаще всего просто не замечал в силу возраста.

Недовольство делами в стране и тупостью дикарей, которые попадались Петру каждый день, стоило ему лишь выйти на улицу, клещами сдавливало сердце, превращаясь в гнев, приводящий пожилого дядю к вегетативным кризам. Петрович был доволен лишь самим собой – он, как никто другой, деятельный и рукастый – не то что сегодняшняя молодежь. Он, сын учительницы русского языка, грамотный интеллектual, знающий ответ на все возможные вопросы. Если бы не проживание на ничтожную пенсию, выход на которую стал для него преждевременным по состоянию здоровья, он смог бы добиться многого в экспериментальной физике.

Но судьба распорядилась иначе, и он, словно капризный ребенок в теле зрелого мужчины, обижался на нее за такой расклад. Не на Бога же обижаться, в самом деле. Ведь никакого Бога не существует, а всех верующих расстреляли еще в советские времена. Остальные – это всего лишь лицемеры, пытающиеся купить себе бессмертие походом в церковь.

Где-то внутри этого бедного человека звучал бодрый голос прежнего Петра Петровича – увлеченного ученого, занимавшегося научными разработками в Дубне, а затем, когда наука, как и Союз, посыпалась, менеджера по продажам

в крупной фирме, главы семьи, отца детей (которые его иногда навещали) и главное – деда пять раз! – прежний Петрович отголосками все ослабевающего эха говорил нынешнему: «Петруха, твою ж мать! Раньше тебя не нужно было возить лицом по стиральной доске. Ты чего? Ты еще можешь устроиться на работу охранником, тем же менеджером, а одно время ты продавал мебель в магазине, и ничего. Вставай, хватит ныть».

И Петрович, сначала с энтузиазмом, а потом больше для очистки совести обновлял резюме, искал вакансии в интернете, а когда его приглашали на собеседование, удовлетворенно отказывал – работать с дебилами он не хотел.

Зачем, когда можно сдавать в наем лишний угол? Жил он в «трешке», и двух других комнат ему вполне хватало.

Считая себя несколько выше остальных людей, он не осознавал, что мир такой, каким человеку хочется его видеть. Идя по тротуару, направляясь в магазин, ему нравилось производить на других благоприятное впечатление. Одевался Петр Петрович с неизменным вкусом. Вне зависимости от времени года предпочитая «классику» – рубашку, пиджак и брюки на кожаном ремне. Джинсы он не любил еще со студенческой скамьи, считая, что ношение подобных тряпок превращает взрослого человека в ребенка.

Петру Петровичу было невдомек, что в двадцатипятиградусную летнюю жару города N он выглядел для остальных как дурак, идущий домой с пакетом продуктов, словно на ра-

боту в офис.

Однажды, забежав в магазинчик за углом купить свежей прессы, Петр Петрович оказался вне себя от негодования:

– Дамочка! Это почему у вас такая очередь, а? Я вас спрашиваю! Работать не умеете, да?

– Мужчина, не шумите, пожалуйста. Тут и так места мало, не портите покупателям настроение.

– Ты у меня поговори! Я жалобу напишу! Фамилия ваша? – спросил неудачливый любитель утренних газет, ловко достав заранее приготовленные ручку и блокнотик. – Ваша фамилия, я сказал! – вскипел Петр Петрович, не желающий стоять в длинной очереди из трех человек в ожидании приобретения свежего номера «АиФ».

В следующую секунду гость из Средней Азии, не вытерпев подобного хамства, вышвырнул скандалиста на улицу. Такого с Петром Петровичем еще не бывало. «Вот это да!» – думал он, вставая с колен.

– За что?! – спросил он у своего обидчика, вновь попав внутрь. Жалобу писать расхотелось.

В ответ азиат лишь улыбнулся, расплатившись за взятую из холодильника бутылку минералки, и был таков.

– Не повезло, – шепнула студентка кассирше, слегка кивнув в сторону неудавшегося скандалиста. Мол, сколько же идиотов!

– Он часто сюда заходит, и вечно его что-то да не устраивает.

– Терпите, – улыбнулась продавщице девушка, расплатившись за купленный шоколадный батончик.

– Работа такая, – вздохнула женщина, нехотя обратившись к мужчине, оставшемуся с ней один на один:

– Вам что, «Аргументы и Факты» опять, верно?

– Да, будьте добры, – согласился Петр Петрович, отряхиваясь и краснея от стыда и злости. – А впрочем, знаете что, обойдусь! – ответил он и с вызовом вышел на улицу, отправившись домой.

В голове его мелькали стулья и табуретки. Шкафы и тумбочки, которые он обновит, начистив до блеска. Будут как новенькие. «И хрен бы с ними со всеми. Главное прийти домой, а там примусь за работу», – думал он про себя, не замечая никого вокруг. Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем увидел знакомые очертания своей пятиэтажки. Зато он словно чувствовал запах морилки, которым вот-вот покроет ножки очередного стула.

Входя в родной подъезд, он столкнулся с девушкой, которая об него споткнулась, – на лестничной площадке перегорела лампочка.

Петр Петрович был не промах, и заметил, что неловкая тупица, которая даже не извинилась перед ним за доставленные неудобства, оказалась той самой девушкой, купившей шоколадку перед ним в очереди.

«Время троечников», – подумал он устало, после чего поднялся на четвертый этаж, зашел в квартиру и, разувшись,

по обыкновению поставил кипятиться воду в чайнике. Затем он расположил продукты в холодильнике – каждый на своем месте – и пошел снять с себя костюм. Далее по плану было выкурить сигаретку и, выпив чая с лимоном, приняться за долгожданную реставрацию.

Чиркнув спичкой и поднося огонек к вожаденной сигаретке из пачки пахучего «Беломора», Петр Петрович внезапно умер – изношенное сердце отказалось жить по правилам: ловить здесь нечего, значит, отбой.

Последним, что он видел, стали языки пламени, ползущие по скатерти, и ее горящие куски, планирующие на пол, будто бы парашютисты.

– Не повезло, – засмеялся откуда-то взявшийся азиат – тот самый, из магазина. Затем все стихло и затянулось пеленой белого света...

Души Петра Петровича уже не было в его обгоревшем до костей теле. Она прорезала собой вату облаков (во всяком случае, *это* напоминало облака), и в то же самое время Петр Петрович, понимая, что он уже мертв, наблюдал за живым сгустком энергии как бы со стороны. Он видел все по-новому: вне всяких рамок и непреложных законов физики, теперь смешных, как древний миф. Он понимал, что эта ленточка, похожая на хвостик воздушного змея, и есть его душа – то, что от него осталось.

Одновременно с этим, непостижимым для себя образом он наблюдал события прожитой жизни. Все это происходи-

ло со скоростью света, если не быстрее. Наконец он оказался над облаками, на мгновение замер и ринулся вниз. Быть может, ему привиделось что-то еще, но он об этом не вспомнил.

Утром он проснулся в теле Ванечки, напрочь забыв о том, кем был в прошлой жизни. Чего только ни приснится маленьким детям! Хотелось кушать и обняться с мамой.

03 июля 2015 – 10 июля 2015,

Санкт-Петербург.

Перерождение

Эта история – единственное, что от меня осталось, и смысла в ней, видимо, не больше, чем во мне самом. Говорят, было время, когда люди страдали от переизбытка мозгушек в головах, а затем от безделья или чрезмерной занятости безумно важными делами. Я был одним из них, а может, наоборот, выделялся из толпы, пытался найти свой путь, вернее, свою путеводную звезду. Оказалось, она горела у меня во лбу.

Современным людям думать необязательно – мы и так получаем все, что хотим, а значит, мышление вычеркнуто из правил поведения – мы просто понимаем и действуем.

Наши предки (смешно до сих пор) боролись за традиционный взгляд на жизнь, молились, обретали символ веры. Они боролись и погибали, прежде чем стало научно доказано, что известная процедура духовной консервации – не уродство, а очередной виток эволюционного развития.

Теперь мой мир легок, приятен и светел, добр и радостен, я вижу собственными глазами. Действительно, у меня есть все, что нужно для счастья. И стыдно задуматься, как долго я не замечал, какой я счастливчик. Я не хотел понимать, что все мы – люди, живущие под одним и тем же небом. Все мы – одинаковы, и незаменимых нет. Раньше я переживал, что жизнь потеряла уникальность, люди – это товар, а твор-

чество – продукт, который производят смертные, желающие оставить себя после себя. Вы видите, я ничем не отличаюсь от множества других.

Теперь я бессмертен, и все, что я умею, это наслаждаться существованием. Хотя почему это «теперь»? Ведь было ли иначе, я уже помню смутно. Временные рамки размылись. Бывает, нахлынет на меня непонятная ностальгия, а по чему – не могу сообразить, словно археолог, раскопавший нечто далекое и древнее: держишь в одной руке лопатку, в другой – неведомую безделушку или череп какого-нибудь древнего Йорика, и не знаешь, к какой эпохе это определить.

Теперь же я не переживаю, перерожденный, и излагаю вам свою историю коротко и ясно. Так, чтобы вы не устали. Ибо жизнь – это легкий бриз, дующий до тех самых пор, пока морской прибой не сравниет нас всех с береговой линией.

Забудьте нарисованный рукой убогого дилетанта образ – устаревший, оттягивающий вас назад. Хватит лирики. Откажитесь от всего, что близко и дорого, еще при жизни. И главное – от самих себя.

Все просто: чтобы обрести бессмертие, нужно... «умереть».

До того, как найти свое счастье, я был убит усталостью от кутерьмы и суматохи вокруг – вы знаете, работа, бытовуха, дом. Захотелось изменить свою жизнь.

Для начала я ушел в очередной оплачиваемый отпуск.

Мера не кардинальная, но приятная и действенная – в самый раз для того, чтобы сбросить с себя тяжелый груз опостылевшей повседневности. С некоторых пор я в душе не ведаю, сколько мне лет и кем я работал тогда, но знаю, что в тот многофункциональный бизнес-центр – один из первых в нашей стране – я заглянул спонтанно, движимый желанием развеяться.

Первый в России МФБЦ был уникальным, поскольку предпринимательство, услуги здравоохранения, политика, развлечения и все остальное было спаяно в них с государством. Многие говорили, что «такой новомодный коммунизм не пройдет», что МФБЦ – это «окрошка из политики, социалки и денег», но в итоге – прорывы в высоких технологиях, медицине и других вещах, как мы знаем, расставили все точки над «i». Трудно поверить, что тогда это было всего лишь начало и что когда-то люди жили по-другому. Ведь с распространением Центров подобного рода общество решило множество проблем, одна из которых – проблема перепроизводства. Но это все – история, и я не стану пересказывать вам то, что написано в любом учебнике.

Зашел я в это здоровеннейшее здание и поразился сразу же его удобству и великолепию – как все спланировано, учтено, сработано на совесть. Не центр, а фабрика! Не бизнес, а парк развлечений! А эти элегантные скоростные лифты? А бесшумные эскалаторы и подъемники? Все очень удобно. И все-таки чего бы мне хотелось? Поразглядывав

в свое удовольствие разноцветные огни комфорта, в который я окунулся, войдя в Центр, я понял – мне нужно слетать за границу!

Несколькими минутами позже я уже был в красивом офисе турфирмы, выиграв билет во Францию в лотерею, которая была организована какой-то социальной организацией.

– Почему так дешево? – хлопал я глазами, удивленно глядя на хорошенькую сотрудницу турфирмы. Ан нет, все-таки на стоимость путевки. Все вместе стоило мне всего лишь 2500 рублей! И это на целый месяц. Смешные деньги, ведь отпускных мне было перечислено намного больше. «Так не бывает», – изумлялся я. Мешкал, вертя заветную бумажку в руках.

– В жизни все бывает, – спокойно ответила мне девушка, легонько пожав своими хрупкими плечиками. И добавила: – Наслаждайтесь, вы же выиграли в лотерею!

– Но а как же мой диплом? – не унимался я, вспомнив, что заканчиваю институт. – Да и отпуск мне дали всего пару недель. А тут месяц, и почти даром!

– Молодой человек, иногда просто надо поверить в успех, вы же знаете.

«Ну хрен его знает», – подумал я и с руганью потребовал свои деньги назад. Представляете? Вот лопух! И знаете, что было дальше? Конечно, знаете. Мне вернули всю сумму, отказавшись принять билет обратно. Не то чтобы я выиграл билет в один конец, но выигрыш нужно использовать по на-

значению – репутация фирмы на кону. Тем более, мне же выпал один шанс из ста. Счастливый билетик. Отпуск, Франция – все это решительно не укладывалось в моей голове. Я хотел от жизни перемен, но не так быстро.

Стоило мне выйти в просторный холл, как меня окружили дети, вернее, подростки всех мастей – мальчишки и девочки, все разные, но все счастливые, улыбающиеся и лучезарные. С рюкзачками и бантиками, как в старые времена. У каждого нашивка на рюкзаке, футболка или кепка с улыбающимся дельфином. Откуда они здесь?

Дабы отвлечься от толпы веселого молодняка, я взглянул на крупное электронное табло, на котором было написано: «У НАС КАЖДЫЙ ПОЛУЧАЕТ ЖЕЛАЕМОЕ. И ЭТО – ПРАВДА». В очередной раз я в панике оглянулся по сторонам, но лишь отметил, что никого вокруг из разношерстной толпы посетителей передового учреждения ничего не удивляло. Каждый занимался своим делом. Сунув билет в карман джинсов, я немного расслабился и даже улыбнулся. Решив пошляться по магазинам, я тотчас вошел в лифт и, щелкнув кнопку наобум, поднялся на пятый этаж. Выхожу и вижу, как в нескольких метрах от меня рухает на пол тело человека. Разбивает голову вдребезги. Я в шоке и глазами ищу врача. Но не проходит и минуты, как без шума и пыли бригада санитаров и уборщиц деловито и по-муравьиному приводят полы в порядок. Привычный порядок вещей.

Становясь свидетелем этой немой сцены, я вспоминаю,

что раньше, чтобы верить в бессмертие, людям нужно было игнорировать собственную смертность или даже отрицать ее, полагаясь на Нечто Большее – Бога и всякое такое. Современникам нашим подобные дикарские излишества не нужны – главное вовремя прибраться и продолжать жить дальше. Сто секунд спустя я будто бы ничего и не видел. В голове, конечно, вертелось множество вопросов, но задать их было некому.

А дальше я просто переродился. Впрочем, это произошло не сразу. Быстро, но не слишком стремительно. Откуда ни возьмись, мигом меня окружили друзья, как несколько минут назад – дети из летнего лагеря.

Друзья – такие же, как и я, а я такой же, как они? Мне хотелось обсудить увиденное, спросить, как понимать то, что психбольной покончил с собой, и вообще, отчего это тут все так правильно, даром и привлекательно? Но тут нас, точнее, меня схватили за шкурку и потащили в палату.

Друзья шагали рядом добровольно, наперегонки и со смехом. Внутри одного меня, казалось, все бурлило и протестовало. Но улыбки приятелей и забота медперсонала ежесекундно убеждали меня, что бояться здесь нечего. И действительно, ведь здесь все – хорошо, все – правда и волноваться не о чем. А врачи – они, как всегда, хотят нам лучшего. Видно, заведующий побеспокоился о моем ментальном здоровье, заметив, что я бурно отреагировал на странный суицид незнакомца, и хочет мне помочь.

А может, это все – некая замануха, интерактивное шоу, в котором каждый из посетителей Многофункционального центра исполняет свою приятную роль, чтобы затем рассказать об организации своим знакомым? Но тогда отчего же все мои приятели тут? «Наверное, захотели сделать мне сюрприз», – думал я, ничего не понимая. А когда хочешь сообщить и не можешь, это, знаете ли, напрягает. Хочется перестать соображать, чтобы не казаться самому себе дураком.

Нас привели в палату. Обстановка ее была умиротворенной и располагающей к отдыху. То, что надо! К тому же у меня отпуск. Волноваться не о чем. С тех пор я потерял чувство времени. Знаю только, что довольно много его провел, изучая Центр. Вы понимаете, для меня все еще было в новинку, и я все еще не разучился думать. Казалось, время остановилось. Постепенно я забыл обо всем. О работе, об отпуске и счастливом билетеке...

И в ужасе осознал, что все это неправильно, что где-то вне этого здания меня по-прежнему ждут мама с папой, проблемы и всякие дела. И тут меня осенило: надо бежать! Вы понимаете, как я боялся в ту минуту попасться на глаза медсестре, врачу, соцработнику или же охраннику. Главное – попасть на улицу, выйти на волю. Я думал, что мир, полный проблем, лучше, чем тот, в котором все решают за тебя. Представьте себе, каким дураком я был! Мальчишка, что я понимал?

Очень скоро мне удалось сбежать. Местами я крался как

мышь. Временами – спешил по ступенькам лестниц, словно в сапогах скороходах. Судя по скудному освещению, приятно обволакивающему глаз, была ночь, так что в Центре было спокойно. Я почувствовал себя агентом спецслужб, ведь им все удастся. Как вы понимаете, мою пропажу вскоре обнаружили, но меня самого – нет. Представьте себе, я даже не боялся смотреть опасности в лицо. Один раз из интереса к происходящему я поднялся на этаж, на котором располагалась администрация медицинского блока Центра. Мне было непонятно, отчего сотрудники поменяли кабинет заведующей и нашу палату местами, но не более. Пора было валить, ибо всегда взети не может.

Я получил то, что хотел. Но снаружи меня ждала холодная ночная погода. Моросил мерзкий дождь, и в карманах у меня сверкал ноль. Отпускные? Да что вы. Я же не жадный. Все деньги по собственной доброй воле отдал на благотворительность. Я знаю, что это был мой выбор, ведь человеческая доброта в Центре не используется в корыстных целях. Ведь, чтобы были возможны корыстные цели и обман, нужны те, кому он будет выгоден. А нет заинтересованных лиц – нет и «разводки». Топал я, топал по пустым улицам ночного города, шагая все дальше от Центра, и увидел, что мне навстречу едет таксист. Вот это была радость! Он спасет, он подвезет. Он поймет.

Я сел в машину и..., слово за слово, шофер вернул меня назад – вернее, просто подвез обратно. Потеряв почти вся-

кую надежду на то, что все будет как раньше, я молча пошел к себе в отделение. Я чувствовал себя виноватым. И потом я вновь увидел Их: персонал больничного сектора, все как один, ждали моего возвращения. Улыбались и не торопили. А я шел все ближе и ближе к этим людям. Не родным, но все же не сволочам. Может, друзья были правы, и мы подружимся? Может, все так живут? Короче, я им поверил и в сопровождении врачей прошел в свою палату, которая оказалась замаскированным кабинетом заведующей. Меня обманули! Как легко, оказывается, выдать желаемое за действительное! Но и действительное выдать за желаемое не так уж и трудно...

Заведующая сочувственно смотрела на меня, явно расстроившись. Властным движением руки она направила свою белоснежную королевскую рать вон. Когда они вышли, она спросила:

– Зачем, зачем ты сбежал?

Зачем я сбежал. Тупая, ты что, не врубаешься? Я сбежал, потому что я не такой, как вы. Я знаю, что такое нормальная жизнь, и я буду жить так, как это было принято раньше. Я хочу убогой свободы, а не комфортного рабства. Вы все здесь мертвы, и я сбежал, чтобы жить.

– Я... я был не прав. Я ошибался и мне было страшно. Да, я просто ошибся, вот и сбежал.

– Не дури меня. Можешь сбегать сколько хочешь. Все равно у тебя не получится.

Но уже получилось раз. И за дверями Центра есть другая жизнь...

– Эх, я знаю. На самом деле я испугался, – ответил я, шмыгнув носом.

– Теперь никуда не сбежишь?

Ага! Значит, все-таки боишься, что сбегу! Дурья башка, значит, я смогу выйти на свободу.

– Теперь никуда. У вас ведь так хорошо.

– Ну ладно, ступай.

Я поплелся прочь из кабинета, будто расстроенный, согбенный прожитыми годами старик: спина крючком, голова опущена вниз. Шаркаю неспешно ногами. Я – заключенный, и бежать мне некуда. Мне можно только смириться и жить по-новому. На всем готовом, получая все и не делая почти ничего. Человек нашего времени – человек-автомат. Как и другие квази-люди, я должен смириться, чтобы адаптироваться. Иного не дано. Можно бежать в недостижимое прошлое, но оно – тупик.

Все, кто встречаются мне по пути, дают понять, что мне отсюда не сбежать. И я согласно киваю, играя роль мученика. Но на самом деле я им не верю. Я смогу. У меня есть выбор.

Мастерски сыграв сломленного заключенного, я стал самим собой, стоило мне только скрыться от этой ненавистной тетки. Отчитала меня как ребенка. «Сколько сейчас времени?» – подумал я, распрямив спину и обратив внимание, что коридор осветил свежий белый свет.

Впрочем, какая разница? Я еще не сдался. На сердце было тепло оттого, что я обхитрил зловещую обезьяну, сидящую в своем кабинете. В приподнятом настроении я вернулся в свою палату. Лег спать, но уснуть не смог. И тут меня осенило: я могу открыться своим друзьям. Разбудить в них то человеческое и хорошее, что в них дремлет. Они вспомнят, каково было жить раньше и каково стало сейчас, и поддержат. Не зря Лешка хитро прищурился в последнее время. Вероятно, парни планируют побег.

– Ребята, надо сбегать, – поворочавшись в кровати, сказал я друзьям.

– Да, надо, – согласились они шепотом в мягком полумраке палаты.

– Сбежим, пока есть время?

– Сбежим, – переглянулись они.

И мы понеслись. Я пошел первым. У меня есть опыт, и теперь я буду умнее. В памяти моей сохранились знания о том, где какой охранник, датчик или дверь. Действительно, знание – власть. Скорее, скорее наружу! Я буквально скользил по перилам, прыгал по ступенькам, как белка. В голове была мысль: «Я сбегу из этой тюрьмы, ведь я не такой, как они. Я еще не испортился. Я сильнее ситуации, в которой оказался. Лишь бы добраться домой, пока я способен отличить правду от лжи». Как вдруг... навстречу мне попался товарищ. Не нравился он мне никогда. Он уже смирился. Он заложит.

– А я стукану, – шепнул парень мне с насмешкой.

Глаза мои расширились, душа в пятки ушла.

– Не надо, дай мне уйти.

– Да ла-адно, братуха. – Камрад похлопал меня по плечу, переглянулся со всей остальной нагнавшей меня братией и разбил окно. Вот это поворот! Точно, у них давно был план побега! Страшно подумать, как бы я улизнул отсюда один, без них. Что я могу без верных друзей? Удача вновь была на нашей стороне, и мы были довольны. Дружной гурьбой мы попрыгали на веранду и не поверили своим глазам. Перед нами была колючая проволока, а на башнях сновали часовые. Кроме того, это живописное место украшал бассейн, который на самом деле выполнял функцию крепостного рва, подобного средневековым. Безопасность, она ведь штука неоднозначная – одним не выбраться, другим не добраться. Безопасность – это неизбежность.

– Что это, тюремный двор? – недоумевал я.

– Не парься, прыгаем, – сказал мне кто-то, показав на лестницу, стоящую возле бассейна. – Никогда еще свобода не была так близко!

«Как странно, – подумал я, – люди так часто считают, что находятся в тупике, а всего-то и надо, что просто постараться найти выход. Мы видим меньше, чем имеем на самом деле».

И мы все прыгали, помогая друг другу руками. Я прыгал последним... и приземлился на воду крайне неудачно. Идя ко дну, я не думал о неудавшемся побеге, маме или папе, нет. Я думал о том, не перебило ли мне позвонки. Вдруг я

саданулся о кафель и меня парализовало?

Мне было все равно, что я могу быть обездвижен. Страшнее другое: если меня парализует, то я не смогу наложить на себя руки. Перед тем, как все закончилось, меня осенило: тот покончивший с собою человек, которого я принял за сумасшедшего, на самом деле не псих. Он тот, кому повезло больше, чем мне. А для Них он всего лишь механизм, который не удалось отремонтировать. Робот, нарушивший из-за неизвестной ошибки отлаженный алгоритм контроля и незаметного принуждения.

Да и вообще, реально ли теперь умереть? Если да, то почему дезертирую один я? Или все гораздо хуже и эта сцена с падением и сведением счетов с жизнью – фейк, в который было нужно, чтобы я поверил? И я же поверил! Перебита у меня спина или нет, а дышать мне становится нечем. И хоть бы кто-то из моих это заметил.

Предали. Ушли без меня. Ну и правильно. Пусть хоть они сбегут. Последним, что я увидел, был лес рук, которые тянутся ко мне, накрывая сверху вниз... Попался.

Но нет. Все это мне мнилось. При более внимательном рассмотрении оказалось, что этот лес рук – всего лишь растопыренные пальцы моря детских ладошек, в котором я лежу вместе со всеми, словно на дне морском. На снимке мы улыбаемся фотографу. В белых футболках с дельфинчиком – эмблемой нашего летнего лагеря. Нам хорошо. Мы счастливы. Хороший снимок. Черно-белый. Народу тоже нравится.

Я знаю это, потому что под фотографией 2792 темно-синеньких сердечка. Общественное мнение не врет. Правда в лайках.

Все описанное выше – это воспоминания. Внезапно для себя я оказываюсь среди ребят. Вот он, настоящий момент. Мы на очередных соревнованиях. Никуда не торопимся. Все сделано за нас и для нас. Все лучшее – детям. А вот мы на стадионе. Кто-то с кем-то играет. Посмотрев матч чемпионата мира по футболу, мы своей дружной компанией выходим наружу. Как же я рад, что мы сбежали! Мне не просто хорошо. Мне кайфово. Я не думаю, я просто живу. Я понимаю, потому что знаю, и знаю, потому что делаю. Или наоборот, ведь это неважно.

Странно одно – я не помню, как выбрался из бассейна и что было дальше. И почему нам так легко далась свобода?

И вот наконец мы идем по фантастически зеленому полю. Летняя трава. Шагаем впятером. Я спрашиваю свою подругу, это все правда, – имея в виду матч, соревнования, наши безграничные возможности, – правда ли это или вновь очередная ловушка, и мне никуда не деться? Она ничего не сказала, но по движению ее губ и сожалению в глазах, которые она торопливо отводит в сторону, я понимаю ее безмолвный осторожный намек.

Наверняка и вы знаете ответ.

4 – 6 сентября 2014 года,

Санкт Петербург

Стоимость

Роману Валерьевичу Сенчину

– Сколько стоит, говоришь? Смотря кого и смотря у кого ты спрашиваешь. Мы однажды забухали с ребятами в Ломоносове, там у Арнольда дом. Арнольд – не кликуха. Его на самом деле так зовут, хоть он и армянин. Остальные русские. В тот год ему стукнуло пятьдесят четыре. Курим, общаемся. Я в жопу пьяный. Очнулся после накури и спрашиваю: «Пацаны, а где Братан?» «Как где? – отвечают мне ребята. – Он же вчера присел». Я в ахуе. «Когда успел?» – спрашиваю, отказываясь понимать услышанное. Мы с Братаном знаем друг друга с шестнадцати лет. А однажды его чуть не замочрил ножом торчок. Забегает ко мне домой, а рука в крови. Заперся в ванной. Я выхожу в подъезд, бычу на наркомана: – «Ты че, еп?» А тот и на меня с ножом. Отпрыгиваю, мол, в чем дело? Оказывается, Братан его развел на три сотни рублей. Ну я подумал: «Раз у типа в руках нож, лучше отслонявлю ему триста». Достаяю ему бабло, а он говорит: «Не верю. Положи на ступеньку». Я положил, а он забрал и выскочил на улицу, убежал.

И вот теперь мне неловко, что все уже в курсе, а я только узнал. Чувствую себя лохом, потому что с Братаном виделись на той неделе, а сегодня он уже в СИЗО – странно, что

быстро закрыли. Меня подташнивает. Когда сходил пробле-
вался, друганы рассказали подробности.

Узнаю, что его сдал ментам местный стукач, который за-
должал им крупную сумму, но надеялся, что они простят,
если сольет инфу. Еще неизвестно, что страшнее: смерть или
надежда, понимаешь? Прикинь, что ты покупаешь у мента
траву и колеса. Есть у тебя, допустим, такая привилегия. Ты
думаешь: «Раз мне продают, значит, я свой». На самом же
деле все хорошее когда-нибудь заканчивается. Мент приви-
кает левачить, а ты привыкаешь брать у него дурь. остано-
виться уже не можешь, но надеешься, что все и дальше будет
хорошо. До тех пор, пока у тебя есть деньги.

– А когда лавэха кончается, тебя закрывают за хранение
и употребление...

– Угу. Его похоронили бы в любом случае, я вот к чему.
Не проходит, наверное, и часа, как мы вваливаемся к стукачу
домой. Замер, воняет мочой от страха, но заявление отзы-
вать отказывается. Извиняться тоже не хочет. Сопли текут,
слезы. Зубы стучат, скулит, как собака, но упирается. В об-
щем, тряпка. Знаешь, есть вещи, которым нет обратного хо-
да. Секс, например. Если трахаешься, то надо дойти до кон-
ца, и в какой-то момент уже не можешь остановиться. Кар-
точная игра, когда азарт захватывает. Драка... Вот и стукач
тогда подвис – ни живой уже, ни мертвый. Оставить в жи-
вых – смысл тогда было ехать? Гасить на квартире скучно,
да и просто – палево.

– Нон-стоп получается.

– Избивали его методично и долго – часа четыре мутузили, вот тебе и нон-стоп. Ровно в двенадцать ночи отнесли в багажник, чисто как дрова. Я запомнил время – кореш пошутил, что если его тут оставить, то он превратится в тыкву. Превратился, только попозже...

– И чего, куда вы его повезли?

– Далеко-глубоко в лес, под Сосновым Бором... Когда прибыли на место, зассанец оживился.

– Жить захотел, вот второе дыхание и открылось.

– Не знаю, что там у него открылось. Толик вытащил изпод седушки дробовик, а я достал ствол – это я знаю твердо. Вышли мы из машины, а живая мишень уже снаружи – Арнольд выпустил. Остальные двое выкапывают яму, рассказывая друг другу анекдоты. «Ты в школе быстро бегал?» – спрашиваю я стукача, толкая вбок. Для меня он уже не человек и даже не тряпка.

– А кто?

– Одушевленная кукла, вот кто... Первым стреляет Толян. Попадает ему в колено.

«Хрящи в хлам, как для холодца», – смеется, и я замечаю, что простреленная нога болтается, как на соплях. Спотыкается и падает, но буквально сразу же подрывается, стонет и рычит – рвется бежать дальше. Сечешь?

– Ага.

– Вот тебе и «ага». Никогда больше я такого не видел.

– И что потом?

– Далеко он не убежал. Я подошел и выстрелил ему в затылок. Потом мы его закопали и засыпали все вокруг хлоркой – чтоб собаки не нашли, если что пойдет не так. В лесу прохладно, но свежо. Небо такого цвета, будто ты черничных ягод раздавил в кружке с молоком – я смотрю на эту красоту и понимаю: скоро в Питере белые ночи – ништяк! А ты спрашиваешь, сколько стоит убийство. Сам же видишь, иногда триста рублей, а порой и вовсе нихуя. Просто мы напились, а Братана не хватало рядом. Его, кстати, отмазали.

– В чем же его тогда подозревали?

– Вот ты смешной! Просто так, что ли, говорят: «Нет тела – нет дела»?

17 апреля 2017, 05:05

Кошелек

Посвящается dīta uknow

Середина нулевых. Мы с мамой живем в общежитии. Недавно рядом открыли стрип-клуб, музыку из которого хорошо слышно. Это всех бесит, но никто ничего не делает. Мамы нет дома – работает на хлебозаводе в ночную смену уже полгода. Сейчас нас трое: я, Федя и Стас. Сидим, играем в подкидного дурака.

Из окна на нас пялится свежий сентябрьский вечер. На столе тлеет хабарик. Да, я покуриваю, нехороший мальчик.

– Не, пацаны, надоело. – Стас, прыщавый парень, с которым мы когда-то ходили в один садик, опять проиграл в карты. – Сдаюсь. – Он поднимается из-за стола, и стул противно скребет по полу. Мы с Федей смеемся, откладываем колоду в сторону.

Втроем мы соглашаемся, что нужно похавать, и выходим в коридор, где всегда темно и выкручивают лампочки. Там – примерно такие же комнаты, две кухни и душевая на шесть человек: по четным дням моются женщины, а по нечетным мужчины. Один день в неделю отводят на мытье детей. Еще на нашем этаже есть балкон, куда выходят покурить взрослые (если не помещаются, курят на лестнице, хотя нельзя).

Кухни, как и толчки, располагаются по обе стороны коридора.

Добрались. В кухне пахнет котлетами, которые мы оставили доготавливаться, накрыв крышкой. Потом парочка пьяных мужиков придумала хлестать тут водяру и говорить за жизнь. Чтобы избежать риска получить сковородкой по башке, мы ушли отсидеться. Сейчас на кухне никого, кроме нас, нет – лафа.

Я беру сковороду, Федя пару тарелок и вилки, а Стасик спрашивает:

– Мих, есть кетчуп?

– Не спрашивай, возьми в холодильнике, – отвечаю я.

Стас достает кетчуп, и я замечаю желтоватое пятно возле его правого глаза – неделю назад Стаса избил отец, и фингал до сих пор не прошел. Наконец возвращаемся в комнату. Там спокойно, есть телек и старенькая SEGA – рубимся иногда в «Mortal Combat». Мама хотела подарить мне компьютер, но я отмазался, зная, что его некуда будет поставить. Мне, конечно, хочется, но он дорогой, и я молчу в тряпочку. Тем более в комп мы играем у Федя – у него нормальные родители и своя комната в двушке.

Федя раскладывает на тарелку котлеты. Предлагает мне одну. Я пробую.

– Вкусно, но уже холодные, – говорю я, как вдруг раздастся громкий, наглый стук в дверь.

– Да и пофиг, – жует Федя.

После небольшого перерыва стук повторяется.

– Вы кого-то ждете? – очкует Стас, отвлекаясь от телевизора.

– Нет, не парься. Маза на работе, сам знаешь, – отвечаю я, протягивая другу тарелку.

Когда стучатся в третий раз, я уже не выдерживаю и смотрю в глазок. Узнаю двух пьяных мужиков.

– Соседи, – поясняю я пацанам. Спрашиваю незваных гостей через дверь: – Че надо?

– Слышь, выходи. Выходи, говорю! – старается взять меня басом чудак, заплывший жиром. Ага, счас!

Я выхожу такой, крутой. И тут начинается:

– Ты же полчаса назад на кухне был?

– Был, – киваю я, уже жалея, что высунулся наружу.

– Игорек, а я тебе о чем грил, а!

Игорек сморкается на пол, растирает каплю ботинком и предьявляет:

– Так ты у меня кошелек украл, сука!

– Че, какой кошелек? – Мысль о разводилове посетила слишком поздно. – Я в душе не ведаю...

– Не пизди! – напирает толстяк.

Хватает меня за шиворот и швыряет о стену. Я падаю и сгибаюсь от боли. Пинают. Лицо уже в крови. Нос, похоже, сломан. Удар сыплется за ударом. Слышу, что пацаны выбегают на помощь.

– Эй, вы чего творите? – спрашивает Федя, самый креп-

кий подросток из нашей компании – ходит на бокс, за что и получил кликуху Боксер.

Пьяные прекращают меня бить.

– Закрываем вашего друга, вот чего, – говорит Игорек, пока жирдяй уже вызывает милицию. Ухмыляется, будто так и надо.

– Видимо, не шутят, – намекаю ребятам я. Не обращая на них внимания, Стас помогает встать на ноги. Отряхиваюсь, говорю ему спасибо.

– погоди пока спасибо говорить, сейчас тебе конец придет, поблагодаришь еще, – бросает Игорек мне с издевкой, пока второй общается по трубке.

Быдло уходит курить на лестницу, а мы возвращаемся к себе. Федя хочет закрыть дверь, но я прошу оставить так, чтобы не пропустить приход милиционера. Отмудохали меня конкретно: до носа больно дотронуться, а губа разбита в кровь и уже распухла. Вытираюсь, оторвав туалетной бумаги. Только теперь замечаю, что бордовым заляпан балахон с Эминемом. «Все равно не выкину», – думаю я, пытаюсь оттереть, но бесполезняк – стирать надо.

– Ну чего, ты как? – спрашивает Федя.

– Сам видишь, – отмахиваюсь я и прошу его набрать тазик, чтобы замочить в воде балахон.

– Да, без бэ, – говорит он и, сняв фиолетовую посудину со шкафа, идет на кухню – к раковине.

Стас с виноватым видом доедает котлету. Я выключаю те-

левизор и смотрю в окошко. На улице уже стемнело. Часы показывают половину двенадцатого ночи.

Федя возвращается с тазом. Я снимаю балахон и кидаю его в воду. Для очистки совести немного посыпал на него «Досей», хотя вряд ли отстирается.

– Ну, чего?

– Ничего, пока на лестнице тусуются, – отвечает Федя.

– Понятно, – говорю я и сажусь есть котлету без особого аппетита.

Ждем. Через полчаса слышу – поднимается, выясняет, как было дело. Пьяные просят пройти к нам с ним вместе.

– Сначала сам, – срезает он и проходит в квартиру, закрывая за собой дверь.

Я ожидал увидеть старпера в погонах, но ошибся. Перед нами стоял молодой человек в форме, белобрысый и подтянутый. В руках папка. «Может быть, для солидности, а может, записывать показания будет», – думаю я. Мне скоро исполняется четырнадцать, и я еще ни разу не был в ментовке. Стремно.

Ребята здороваются с участковым. Я делаю то же самое, заранее благодарный, что они не оставили меня одного.

– Здравствуйте, – отвечает он нам. – Давай присядем, – приглашает за стол.

Сажусь. Смотрит на меня, как на какашку, и говорит:

– Доставай кошелек.

Отвечаю ему честно, как есть:

– Нет у меня их кошелька. Мы вообще с ребятами в карты сидели играли, понимаете? – Показываю ему на колоду. Он ставит папку на пол. Записывать ничего не собирается.

– Возвращай давай, сказочник, а то в обезьянник сейчас поедешь. Моя смена уже заканчивается, понимаешь? – говорит милиционер.

– Да и забирайте! Я бы и рад вернуть, но возвращать нечего, – предпринимаю я последнюю попытку объяснить.

– Реально, мы видели, как его отмузузили. А он всего лишь дверь им открыл, соседи по этажу, – впрягаются ребята, почувствовав, что иначе мне не жить. Я не верю, что все обойдется. Воображаю, что маме придется выкупать меня за большие деньги, которых ей никогда не заработать в одиночку.

– Тут посидите, и мы решим, – отвечает нам молодой человек и выходит за дверь. Как и мы, оставляет ее приоткрытой.

От волнения у меня перехватывает дыхание, словно при первом поцелуе.

– Пацаны! Я будто смотрю приключенческий боевик с Томом Крузом, – говорит Стас, ошалевший от происходящего.

– Закрой рот, идиот, – ругаюсь я. Боксер давит смешок, и мы слушаем, как участковый подзывает к себе быдломужиков. Игорек стоит в полосатых штанинах, причем одна рука в кармане. Обращается:

– Ну что, командир? Нашли лопатник?

– Значит так, мужики. Кошелек у него нет. Если вы сейчас не отзовете жалобу, то я закрою его в обезьяннике...

– О, ну хоть так, братиш, – радуются два придурка.

– ...на один день. И потом выпущу за неимением доказательств. Парень дал показания и готов подать встречное заявление, только уже об избивании. Свидетели у него есть, так что загремите вы неслабо. Все ясно?

– Да, командир. – Кореша переглянулись и пришли к единому мнению:

– Может, ну его на фиг? Мы согласны, командир. Вопрос к мальчишке нет.

– Всего доброго, – холодно говорит мент и заходит к нам.

– Спасибо Вам, дядя, – хором заводим мы.

– Только не дядя, а Роман Иванович.

– Хотите котлетку? – предлагает Стас.

– Не, уже дома поем. А где твой папа? Мама тоже что-то не вижу.

– Мама на заводе по ночам работает. А папы у нас нет, – стыдливо отвечаю я, скрывая, что отец ушел к другой. Я его почти не помню, и поэтому не скучаю.

– Понятно. Если будут вопросы, скажи, пускай зайдет, – кивает Роман Иванович и забирает назад свою папку.

– Хорошо, – соглашаюсь с ним я.

– А курить бросайте, ни к чему это, – говорит участковый перед уходом, заметив на столе хабарик.

Как только Роман Иванович свалил, мы пожали друг дру-

гу руки.

– Фух, пацаны, пронесло же! – выдыхает Стас.

– Ага, класс! – резюмирует Боксер.

– По REN-TV должны показывать эротику, – предлагаю я посмотреть.

Довольные, что все кончилось, садимся на диван. Только включили ящик, как в дверь... позвонили.

– Епту, ну кто это еще? – раздражается Федя.

– Может, они вернулись? Не ходи, – бережет меня Стас.

– А вдруг еще кто? – спрашиваю я и из любопытства делаю по-своему.

Точно! Опять соседи.

– Пошли в жопу, свиньи! – кричу я, зная, что теперь они сюда не сунутся, а я не открою.

– Слы, друг. Мы тут кошелек нашли, короче... – Игорек помахал лопатником перед глазком, чтобы я увидел, и убрал его в карман.

– На балконе валялся. Выронили, когда курили, – взялся оправдываться жирдяй. Но я их уже не слушал.

Я смеялся.

13 марта – 15 марта 2017 г., 23:23, Санкт – Петербург

Триптих

I. Проверка

Летний день исчезал, оставляя после себя теплый, нагретый солнцем воздух. Этим вечером дворы молчали: не скрипели от ветра одинокие калитки, не шумела ребятня, не было слышно собачьего лая. Одни ласточки кружились над землей в тревожном танце. Над домами опасно накренилось небо, как ведро с водой, которую нужно вылить. Сумерки обмакнули облака в черничное варенье, как вату. Живое намекало, что необычная тишина обманчива.

«О, Володька едет. Наверное, в магазин», – подумал Михаил, услышав знакомый звук мопеда. Так и есть. Отчим помахал пасынку, как ни в чем не бывало.

Володька показал средний палец и унесся дальше. «Ага, вот и стой в огороде сколько влезет, а я поеду тусить», – подумал он, оставив неудачника позади. Ночь обещала быть приятной.

– Эх, ребенок! – Технарь сплюнул себе под ноги. – Ну ничего, отучишься ты у меня в ПТУ, а потом живи как хочешь, – сказал он юноше, которого и след простыл. Помятая колесами поселковая дорога укрылась одеялом из песка и пыли.

– А ты что молчишь, дура? – Подвыпивший автомеханик охрип кричать, почти потеряв голос, но жена безразлично молчала.

– Все, ты меня довела! – Супруг бросил лопату, на которую опирался локтем. Инструмент плюхнулся на грядку. Прошел в дом, включил на кухне свет. Набрал воды с умывальника в кружку. Выпил залпом. Стало полегче. Взбешенный, Михаил не мог успокоиться. Пнул табуретку. Раскрыл немытое окно, достал пачку «Петра» и решил закурить. Докурив, понял, что не договорил с женой... Положив пачку на подоконник, вышел обратно в огород.

– Ах, Надя, Надя... Рыба моя, чего же ты молчишь? – спросил он вкрадчиво.

В ответ – тишина.

– Хорошо хоть плакать перестала, – сказал он примирительно. Когда и это не помогло, он подумал со злобой: «Ну ничего, ничего. Ты у меня петь будешь, как соловушка!» Пронеслась мысль, что терять уже нечего и можно выкладывать начистоту:

– Ну ты точно дура! Ладно... хоть плакать перестала. Ты хоть помнишь, какая у нас любовь была? Ты еще называла ее образцово-показательной. Помнишь? Дрянь ты! Эх, блин... Мне сорок пять, тебе тридцать восемь. Чего же ты хочешь? И слышишь... эй, ты хоть смотри на меня! И,.. ты знаешь, за пять лет, слышишь? – Человек захлебывался словами от эмоций, пугаясь в том, что хотел сказать.

– За пять лет, что мы живем с тобой, я тебе ни разу не изменил. Да я и не пьянствовал. Ты, я вижу, к этому пообвыкла, да? Коза, ты язык прикусила?! – В голове все мерцало и сияло искрами. Вспомнив о роли примерного семьянина, он, выдержав паузу, продолжил крайне вежливо:

– Солнышко, извини. – Он притворно ухмыльнулся. Взглянул на нее. Она, смотрела на него как-то отстраненно. Мишу это малость испугало, но на испуг живо отреагировал внутренний голос:

«Ничего, разве поймешь, что у этих жєницин на уме».

Технарь укорял себя за свой испуг.

«Успокойся, идиот! Лучшие донеси до нее свою телегу, пока не вытрезвел. Наступит похмелье, и ты, падла, будешь нуждаться в ее заботе и доброте. Ну, а пока ты пьяненький, на ногах стоишь, и сострадания ты не вызываешь. Раз уже перегнул палку – иди до конца. Ты ей объясни, что изменять – нездорово, неправильно, а потом извинись, что сорвался и выпил сегодня больше обычного, – и все будет хорошо. Уже не мальчик, чтобы переживать».

Точно, так он и поступит.

– Наденька, я уже совсем не ругаюсь с тобой. Смотри... Видишь ли, в чем дело? Ну неправильно, не-пра-виль-но изменять. Я ведь люблю тебя. Даже если ты меня разлюбила, то хоть ушла бы к нему или мне сказала бы, объяснила бы... – Краем уха Михаил услышал шум мопеда. Звук мотора вернул технаря в реальный мир. Наконец он все понял.

– Нет, все это просто дешевый бред. Невозможно. Я не помню, я не мог, – шептал он себе. Технарья колотила дрожь, но он не мог унять расколбас.

Снова взглянул на жену. Затем посмотрел на лопату. Черенок в крови. «Это... то есть как, я убил тебя?» – подумал ревнивец и завыл на весь двор волком. Краешком сознания понял, что кричать нельзя: если услышат соседи, то всё не так поймут.

Михаил мигом понесся в дом. Захлопнул за собой дверь. «Так! Куда? Что делать?» – думал, пытался думать он.

Сначала в их комнату, почему – не понимал. Рывком включил свет. Закрыл за собой дверь. Когда рыдал, заметил, что руки тряслись уродливо, как голые ветви осенних деревьев. Да и сам он чувствовал, что погиб. Осознав себя убийцей, ревнивец пошел на кухню. Из открытого окна прекрасно просматривалась дорога.

Неожиданно он понял, что теперь спешить некуда. Что бы с ним ни происходило дальше, эта дорога, деревья, поселок с его убогими жителями – все останется на своих местах. Закурив сигарету, Михаил успокоился. Было слышно, как стрекочут кузнечики.

– Я убил собственную жену. И что? – с тоской шептал он сам себе. Обиднее всего было то, что никто не заметил.

Из шкафчика возле умывальника достал бутылку водки. Откупорив, стал пить прямо из горла. Налакавшись, поставил на пол опрокинутую табуретку. Перед глазами все сто-

ял кровавый черенок и отстраненный взгляд жены – живые люди с такой немой тоской на тебя не посмотрят. Постоянно об этом думал, хоть и не хотел.

Остаток водки выбросил в окно. Бутылка саданулась об забор, нарушив тишину. Михаил подумал, что горе отрезвляет, избавляя от иллюзий. Прихлопнув запоздалую мысль о пользе здорового образа жизни, будто комара, он навел порядок во всем доме и даже вымыл посуду. Казалось, так он прощается со своим прошлым.

Закончив уборку, он вернулся в огород, ставший местом преступления. Там, несмотря на полумрак, увидел Надежду – красивую и дорогую, только мертвую. Обратил внимание, что тело жены упало у куста шиповника, словно оставленная кем-то безделушка. Ветви колючего куста пугали своими очертаниями, словно щупальцами. Технарь понимал, что оставлять ее тут нельзя, но не знал, как поступить: отнести в дом не решался, а закопать на участке считал безумием.

Где-то невдалеке грянул гром, будто бы в помощь. Ночь осветилась вспышкой, после которой автомеханик сделал свой выбор:

– Не хочу, чтобы ты лежала в комьях земли, растрепанная и забытая, – сказал он, склонившись над телом. – Конечно, раньше надо было о тебе заботиться, но... не все сразу... – Бережно взяв на руки Надю, Михаил отнес ее в дом. Там отмыл супругу от грязи и крови и переделал в свежую одежду. Расчесал волосы на голове, чтобы не видеть трещи-

ны в черепе, – наверное, проломил. Уложив на диван, он накрыл несчастную чистой простыней.

Гроза прекратилась под утро. Выкурив последнюю сигарету, он пошел в милицию, где чистосердечно признался. Там, конечно, удивились, но проверили. Посадили...

Любимая снилась часто: сначала говорила, что за все его простила. Он не считал, что заслуживает прощения. Тогда Надежда стала звать мужа за собой. Прежде он не верил в загробную жизнь, но сны продолжались, и он засомневался: а вдруг? Был только один способ узнать наверняка, и он проверил.

Повесился в камере за несколько дней до выхода на свободу.

26.06.08, в Суходолье

II. Выбор

*Люди не хотят жить вечно.
Люди просто не хотят умирать.
Станислав Лем*

1

Володька думал о том, что нужно будет навестить в тюрьме отчима, сказать старику спасибо за подаренный мопед. «Хотя ну его на хрен! – размышлял парень. – Сам на меня забил, вот и пускай не обижается». Уже тогда, окончив школу, парень подвозил городских девчонок со станции. Местные на него не велись, а приезжие хотели развлечься, приезжали отдохнуть от душного Петербурга. Окончив ПТУ, он заработал на «Жигули», и девчонки стали вешаться на него сами. Но и без того он считал большинство девушек шлюхами, и его новая знакомая не стала исключением из правила.

– Трахни меня, не останавливайся... – простонала Катя, стоя перед ним на четвереньках. И Володя, этот сельский чурбан, в очередной раз за ночь вогнал в нее свой «болт». Шутка ли – такая красивая курица подвернулась! Как говорится, дают – бери, бьют – беги. И он, настоящий мужик, выпустившийся из «путяги», не собирался упускать шанс лишний раз перепихнуться.

Раньше Екатерина никогда бы не позволила себе подобно-го. В свои двадцать лет она считала, что следует придержи-ваться правил даже в самых сложных ситуациях. Она с дет-ства испытывала интерес к жизни, ее любознательность поз-волила поступить на факультет журналистики. Вот только этим утром она осознала, что одно дело – думать о том, как ты поступишь в определенной ситуации, и другое – действо-вать так, когда она произойдет.

Сегодня девушка узнала, что больна раком и все серьез-нее, чем ей бы хотелось. Так начался ее полет в пропасть, и она, видя перед собой бездну, без особых усилий и эсте-тических притязаний решила уцепиться за то животное, что существует в каждом из нас.

Катя думала, что секс без обязательств отвлечет, но нет – самое страшное было в том, что ее падение на дно, этот сле-пой полет в бездну продолжался.

«Черт, как же я обо всем скажу Денису? Боже, зачем я это натворила?!» – подумала она с таким выражением лица, буд-то бы съела лимон. Ей хотелось плакать, и трудно было да-же пошевелиться. Она хотела, чтобы жизнь сложилась иначе, но нет – и это тоже невозможно. Как невозможно отмотать время вспять, превратиться из девушки обратно в сперма-тозид папаши, а потом, как по взмаху волшебной палочки, сделать так, чтобы мать никогда не встретилась с ее отцом. Тогда бы ей не пришлось испытывать все то, что она пережи-вала сейчас. «Господи, какого хрена мне все это нужно?» –

душа Кати зашлась в немом крике. – «Зачем?!»

В голове вертелись картинки того, чего хотелось: вот у них с Денисом появились дети; всей семьей они побывали за границей; учеба в институте закончилась, карьера развивается успешно. Дальше, вполне возможно, покупка квартиры в Петербурге и спокойная счастливая жизнь, посвященная собственной семье. Только ничего этого не будет.

Голос парня, от которого пахло потом и перегаром от дешевой наливки, причинял боль, напоминая об этом. Нет, конечно, она не раскрыла этому Иванушке-дурачку своей души – просто слышала, как он треплет ей о любви. Даже если бы она кричала изо всех сил, урод, лежащий с ней рядом, все равно бы ничего не понял. Это даже обиднее, чем рак, от которого никуда не деться.

Володька гладил ее по спине, повторяя, какая Катя красивая, и все такое, а она думала о правде, которую сегодня узнала. В памяти всплыла сцена, разыгравшаяся между ней и врачом в онкологическом диспансере, куда она съездила утром, прогуляв институт.

Катя вспоминала, как еще пару месяцев назад почувствовала, что со здоровьем что-то не так. Начала читать о всяких болячках и, как полагается, находила у себя каждую из них: туберкулез, ВИЧ, гепатиты...

Однажды утром заметила воспаление лимфоузлов. Раньше времени пугать родителей, с которыми не сложилось доверительных отношений, не стала. Молодому человеку ска-

зала коротко: «Схожу в Питере к врачу, может, накручиваю сама себя».

Сделала анализы, прошла обследования. И вот услышала хорошие новости:

– Подумайте. Вам ведь всего двадцать лет. Если пройдет химиотерапию, то хуже не будет.

– А лучше?! Лучше тоже не будет? – спрашивала Катя врача, отложив медицинские бумаги в сторону.

– Зависит от многого. Обычно шансы пятьдесят на пятьдесят, но пока опухоль не дала метастазы... велика вероятность вернуться к нормальной жизни. *К долгой нормальной жизни*, – подчеркнул онколог, ясно понимая: от врачей зависит не так много, как все привыкли с них спрашивать – так же немало зависит от пациента. – В том числе от вашего желания жить.

Медсестра, все это время наводившая порядок в документах за соседним, придвинутым вплотную столом, взяла чью-то медкарту и, с шепотом перебив беседу, сообщила:

– Игорь Вадимович, я отскочу в регистратуру.

Мужчина ответил кивком головы, и Катя заметила, что он недовольно нахмурился: «Зачем отвлекать? Не видишь, разговор идет». Возникла пауза, и специалист поспешил ее заполнить:

– Ушла, и слава богу, – махнул рукой, но тут же продолжил начатое: – Конечно, встречаются случаи самоисцеления, но они редки, и мне лично на чудеса рассчитывать не при-

ходится. Поэтому...

...В дверь кабинета постучал настырный, ждущий волшебной таблетки пациент, и, отсрочив встречу («я вас не вызывал, посидите»), Игорь Вадимович посмотрел на Катю: обеспокоенную, неуверенную и уставшую.

Девушка с волосами песочного цвета, с большими синими глазами, в коричневом свитере и серых джинсах смотрела на него, не зная, как ей быть и что делать дальше: уйти или остаться.

Он наблюдал подобные дилеммы не впервые. Вот и сейчас пожилой онколог ощущал своим зрением, как похолодели ладони ее рук, не мог не видеть, как побледнело ее красивое лицо. Того и гляди: не выдержит, выскочит в коридор и, не помня себя, сиганет наружу – одним прыжком на дно большого города, которому нет дела до ее проблем. Бултых! И нет больше Кати.

Требовалось показать ей – казалось бы, совсем еще ребенку, для которого происходящее хуже, чем кирпич на голову, – что мир не жесток, донести строгую правду фактов, одновременно вселяя надежду на благоприятный исход в случае борьбы за свою жизнь, здоровье и будущее.

Но как? Он всегда считал, что компаенс – не высокопарное слово из монографий профессиональной литературы, означающее добровольное и ясное следование больному лечению, основой для которого является доверительный контакт в связке «врач-пациент», – а возможность дать чело-

веку шанс не запутаться в клубке связанных с заболеванием проблем, превратить его в нить Ариадны, чтобы выбраться из лабиринта смерти.

Ответ один: оставаться профессиональным. Быть искренним.

Кашлянув в кулак, врач продолжил:

– В общем, так, Катя. Предлагаю не терять времени и начать лечение. Молодые люди вашего возраста, по моему опыту, боятся раскрывать свой диагноз, обсуждать его с родителями... Если у вас именно такая история, я не буду упрашивать рассказать им, как и что. – Здесь он должен был добавить о конфиденциальности, но что-то язык не поворачивался. Сердце заговорило куда проще: – Ты приехала, значит, ты – борец! Вот, возьми мой номер телефона. Созрешь – звони. Договоримся о встрече, а там прикинем. Можешь прийти не одна, а с тем, кому веришь. Не затягивай.

– Спасибо вам, – ответила она доктору, взяла его визитку и расплакалась.

Время отбивало ритм пульсом. Пространство момента сузилось, как зрачок, реагирующий на свет, и врач, желая утешить милую пациентку, беззащитно потянувшуюся ко взрослому за утешением и поддержкой, обнял девушку:

– Ну все, все... Тише, миленькая... Не плачь. Жизнь так устроена, что ерунда может случиться со всеми нами. Но ты правда можешь выбраться. А теперь возвращайся домой. Договорились?

Девушка благодарно кивнула. Затем она вышла из его кабинета, утирая слезы. После ее ухода доктор продолжил прием, попутно вспоминая о том, как полжизни назад лишился двоих близких людей сразу: жены и дочери. Онкология к этому не имела никакого отношения – то было простое ДТП.

Катя, которую он, обычно хладнокровный и немного циничный, постарался по-отечески утешить, оказалась очень похожа на его погибшую дочку. Неудивительно, что она ему запомнилась.

Остаток дня девушка шаталась по городу без дела: занималась тратой денег на спиртное и поиском приключений на свою симпатичную задницу. Разрядился мобильник, и она посчитала, что так даже лучше – не хотелось, чтобы Денис знал, во сколько она вернется. Напившись, доехала до Десяткино, где взяла билет на последнюю электричку до своей деревеньки.

В вагоне сидела будто в коматозе. Пожилые смотрели на нее неодобрительно, но ей было плевать. Боялась встретиться на станции своего парня, она ввязалась в авантюру с ПТУшником, который был счастлив подвезти девушку от станции до дома. До своего дома.

Так что поначалу Катя была не против такой концовки не самого лучшего дня в ее жизни. Теперь же ее охватил стыд за то, что она изменила Денису с каким-то отщепенцем.

– Ты прости, но я пойду, – сказала она своему новому знакомому, отстраняясь от поцелуев и надев свои трусики.

Тупой болван опешил:

– Куда? Ты же... пьяная. Давай провожу?

– Нет, спасибо. Я и так уже опозорилась. В смысле... мне стыдно, что я так нажралась. Но все было классно. Спасибо, что подбросил, – соврала она ему, чтобы он позволил ей спокойно уйти.

День выдался «веселым», а ночка и того хлеще. Но главное веселье было впереди – нужно было добраться до своего мальчишка (при том, что мобильник разряжен) и *обо всем* рассказать любимому.

2

Пьяной походкой под апельсиновым светом фонарей она, спотыкаясь, топала по мокрому от тающего снега асфальту к его дому. Асфальт казался ей чужим, живым и недружелюбным: рябил и двоился в глазах, похожий на желе.

Шагать было тяжело: ноги были как ватные, а все остальное тело было тяжелым как камень.

– Хорошо еще, что не холодно. И в кого же я себя превратила? – задумалась девушка, неумело отряхиваясь от грязного коричневого снега возле очередного фонарного столба. – Никогда бы не подумала, что алкашам так сложно подняться на ноги... Чееерт, родительские окна... – прошептала себе под нос Катя, понимая, что появляться в таком виде подобно смерти.

Она жили в шестиэтажном панельном доме. С родителями удобно, но она не хотела променять теплый уют любимого человека на современную бытовую технику и чистую ванну. Зачем, если можно сходить в баню? Да, топить ее накладно, полдня пройдет, но и ощущения совсем другие. Она и раньше любила забуриться к Денису, да и родителям своим она, положа копыто на вымя, не доверяла: взрослые ведь такие опытные, что сразу начинают кидаться обвинениями и наказаниями, прежде чем помочь и разобраться. Мать смотрела на их с Дэном отношения как на что-то неважное, «очередные интрижки», а отец молчал. Неудивительно, что, когда парень предложил ей «попробовать жить вместе», Катя сразу согласилась.

– Нет, домой не вариант. Я должна добраться, – сказала она себе и, собрав остатки сил, двинулась дальше. Ночь сыграла ей на руку – дорога была пустынной.

Когда до его избушки оставалось метров двести, она упала и уже не смогла встать с колен. Очень хотелось уснуть прямо тут, но она, не обращая внимания на расцарапанные в кровь и покрытые грязью ладони, сумела доползти до калитки дома Дениса. Забор помог ей встать, или, вернее – она повисла на нем, будто мешок картошки.

«Хорошо, что у него играет телевизор. Значит, не спит», – успела она подумать с усталой улыбкой, едва увидела в окне разноцветные отблески, а затем уснула.

Очнулась уже в его комнате – раздетая. Катя сидела на сту-

ле, словно кукла, и наблюдала, как он расстилает для нее диван. Заметил, что очухалась, но пока молчит.

Там, где месяц назад стояла новогодняя елка, заметила свою грязную одежду – валялась в углу, будто стог сена. Наконец произнесла:

– Дэн...

– Что такое? Кто... тебя так? – засыпал он ее вопросами.

– Сколько времени?

– Около трех, сама видишь, – ответил он, указав на стену с часами.

Девушка его словно не слышала.

– Я что, уснула на твоём заборе?

– Да хрен с ним, с забором. Я услышал шум и тут же к тебе выскочил. – Он не сказал, что собирался вызывать «скорую», – так разволновался. Сняв с нее грязную одежду, первым делом пощупал пульс – проверил, дышит ли. Он знал, что Катя не пьет, но чувствовал от нее перегар. Картинка пока не складывалась. – Ложись в кроватку. Давай, давай-ка. – С этими словами он помог ей встать и, хотя пройти было всего ничего, он попросил девушку обхватить его за шею – так, чтобы он мог ее придерживать двумя руками.

– Легла?

– Да, – сказала Катя и, помолчав, спросила: – Ты не говорил родителям, что я у тебя?

Телевизор продолжал работать, но без звука. Показывали «Кривое зеркало». Свет от экрана «Радуги» отражался

на полу, высвечивая елочные иголки. Вцепились в половик, будто бы отказываясь выметаться вон.

– Нет.

Комната приятно пахла теплом. В небольшой печке трещали щепки.

– Руки были в крови, я их обработал перекисью, пока тебя отрубил. Коленка вон тоже, в мясо.

Катя с безразличием посмотрела на рану.

– Заживет, ты, главное, не волнуйся. Все уже позади. Сейчас йодом помажем.

Достал из ящика бутылочку, взял с подоконника ватные диски. Повернувшись к свету люстры, обмакнул их в коричневый раствор.

– Потерпи, давай обработаем, – наклонился он над ней, будто военный врач в землянке на линии фронта.

Катя зашипела, стараясь не кричать. Понимала, что сейчас она для него – проблема. Сначала будет больно, но затем отпустит.

– Давай я тебя укрою... Будешь спать?

– Не до того сейчас. Ты себя-то слышишь?

– Ты ж бухая. – Молодой человек еще не осознал случившегося. Разум его замер, споткнулся, поднялся на ноги и тут, наконец, воспринял догадку. – погоди, тебя что, изнасиловали?!

– Денис! – одернула она его с надрывом в голосе. – У меня нашли рак. Я была у врача, а потом вернулась в деревню.

Не изнасиловали.

– Не изнасиловали? – по-прежнему не догадываясь, в чем дело, переспросил он.

– Меня подвез парень, и я тебе изменила...

– С кем?! То есть... как рак, онкология?

– Нет, бля, речной. Доставай пиво, вместе пожужим.

Раздались нервные смешки.

– Завтра на работу?

– Издеваешься? Не пойду я завтра на работу.

Катя его уже не слушала: блевала в тазик возле дивана.

– Ну ты даешь... – Денису хотелось рвать на голове волосы, но вместо этого забрал тазик и вынес его на улицу. Вернувшись, закрыл дверь, прошел на кухню.

Слова кружились в его голове неразгаданным шифром, как снег за окном:

«Изменила, потрахалась, рак, умирает, потрахалась, пьяная, онкология, что дальше?»

Правда била по голове. Требовалось выпить. Налил себе триста грамм водки – все, что осталось, – в большую кружку с медвежонком. Выпив залпом, помолился о том, чтобы все было хорошо, хоть и не считал, что верит в Бога. Когда вернулся к Кате, в печке догорали деревяшки.

Присев рядом с Катей, сухо сказал:

– Все, давай по порядку...

Около часа ушло на то, чтобы ввести человека в курс дела. Как Денис ни старался, эмоции несколько раз брали верх над рассудком. Это было похоже на шизофрению: одна его половина слушала с участием и терпением, пока вторая кипела от злости, ревности и отчаяния. Закончив пересказ, Катя начала сыпать жалобами на то, что мир несправедливо с ней обошелся. Рано оставшийся без родителей, Денис не смог сдержаться от укола:

– Не хочу тебя обижать, но все заканчивается смертью.

– Легко читать морали, не тебе же помирать, – вздохнула девушка.

– Иногда жить не легче. Особенно, если теряешь любимых, – парировал молодой человек.

Катя виновато замолчала, не зная, что на это возразить. Он истолковал ее молчание иначе. Посчитал, что она к нему холодна.

– Справедливости захотела?! Пришла сюда пьяная, с кем-то переспавшая, тяжелобольная, отказываешься пройти процедуры – только и скулишь о том, как тебе нехорошо. А мне зачем это слышать – твои протесты? Почему ты не думаешь о том, каково мне сейчас? Хочешь помереть раньше времени – пожалуйста, я не буду отговаривать... Почему ты не думаешь о том, что я останусь тут, когда тебя уже здесь не бу-

дет, а?! – Его мужественное лицо исказила гримаса печали и негодования. – Короче, так. Если ты хотела меня обидеть, то тебе это удалось. Второго раза я дожидаться не стану.

– Ты что, уходишь?

– Как видишь, я надеваю куртку.

– Зачем?

– Затем, что тебе нужно проспать, а я не хочу сейчас находиться с тобой рядом и не знаю, захочу ли я этого с утра.

В эту секунду он не сомневался, что хочет от нее уйти. Чувствовал, что злится, и знал, что ведет себя жестоко.

– Не бросай меня, пожалуйста. Прости, что я тебе сейчас наговорила.

– Вот я о чем, только за это. – Денис старался не смотреть ей в глаза, чтобы не пойти на попятный.

Девушка продолжила умолять:

– Я виновата перед тобой с самого начала, но, если бы не рак, то я бы никогда тебе не изменила, ты знаешь.

Объяснение прозвучало трогательно. Вспышкой промелькнуло все то былое, за что он ее полюбил. И вот теперь он ее бросит? С минуту он молчал, стоя в полузастегнутой куртке, как оболтус, а потом Катя тихонько заплакала.

– Голова боли-ит, – протянула она сквозь слезы, словно голодный котенок, оставленный дома хозяевами.

Этих слез было достаточно, чтобы Денис понял, как ничтожны и мелочны все обиды и скандалы. Тем более, когда жизнь устанавливает дедлайн на общение с теми, кто для те-

бя уникален и поэтому любим.

– Нет, ты права. Никуда я не пойду... – Он сел к ней на кровать и приобнял.

– Точно? – Ее синие глаза, казалось, смотрели ему в самое сердце, с мольбой, нежностью и надеждой.

Было время, когда он вместе с пацанами сидел во дворе детского дома и пил пиво. Тусовка была особенно хороша в преддверии летних каникул, когда вечерами они дружно сидели, угорали и кто-нибудь играл на расстроенной гитаре песни «Сектор Газа». Однажды, именно в один из таких приятных деньков Денис сидел в окружении сотоварищей и поддерживал, где считал нужным, молодежную болтовню о «боевых подругах».

Подростки любят разговоры о девочках: чувства в этом непростом возрасте словно непаханое поле, эльдорадо, целина, которую после нескольких неудач становится лениво поднимать. Тогда любовь становится чем-то, что осуждается, а мутки с девочками превращаются в увлекательное соревнование, в котором победителем становится тот, кто больше всех кого трахнул.

У приличных подростков такого нет. Вот почему в игры вроде этих Денис играть отказывался, и когда все вдруг взялись обсуждать неведомый, но при этом реально существующий «кодекс мужика» (свод правил поведения любого нормального парня), разговор зашел на тему измены.

Получалась интересная картинка: мужикам изменять

можно, а вот бабам нельзя. При этом, если вдруг телка спяну ли, или, наоборот, трезвая переспит с кем-то кроме тебя, то ты, как настоящий джедай, должен или плюнуть ей в рожу и указать на дверь, или уйти от нее самостоятельно. Тем вечером, к счастью или к сожалению, сия высокоинтеллектуальная беседа не была разбавлена мнением девушек.

Слово за слово, кое-чем по столу, и подросток позволил себе не согласиться с одним на всех мнением:

– Не знаю, ребят. По-моему, это все фигня.

– Библия учит прощению? – удачно ввернул вопрос местный комик.

Раздался дружный смех. Денис продолжил:

– ...или наоборот, закидывать потаскух камнями. Если человек тебе важен, то можно и простить, вот я о чем. Вам так не кажется?

– Нет, – разом ответила шабла.

– Почему?

– Потому что изменять нехорошо.

– А может, ей с тобой плохо, вот она и пошла искать счастья, – продолжал отстаивать свою точку зрения парень.

– Если она изменила тебе раз, изменит и второй, – сказал кто-то с таким видом, будто приходится объяснять очевидные вещи.

– И поэтому нам ходить налево можно, а им никак нельзя? – Денис не отступал.

– Ну... если она не узнает, что ты с кем-то перепихнулся,

то вроде как для нее ничего и не было, – хихикнул сверстник.

– О, а вот это, по-твоему, хорошо?

– Ну да, ниче так.

– А если тайное станет явным, что тогда?

– Тогда обоим будет больно и станет легче разбежаться.

– Разбежаться будет легче, только если вам заведомо было наплевать друг на друга.

Чтобы перебрать в памяти этот разговор с ребятами, у Дениса ушла одна секунда. В следующее мгновение он вернулся в настоящее и ответил любимой:

– Точно. Какая разница, что ты с ним переспала? Ты испугалась смерти, а этот страх толкает людей на опасные поступки.

– Я люблю тебя, Денис. Ты меня простишь? – с надеждой спросила Катя.

– Ошибиться может каждый, – ответил он, вздохнув. Конечно, осадок еще оставался.

Вспомнил свою жизнь в детском доме – голодную, сложную, и все-таки иногда радостную. Именно там он ощутил, что значит быть одному и как важно чувство плеча. Это ощущение брошенности отпугивало, измучивало, обижало. Для него оно означало быть никому ненужным – потерявшейся игрушкой, которую давно забыли. Он пытался избегать этого гнетущего чувства, а потом сообразил, что оно является частью его самого, такого, как он есть. Это принятие помогало выживать.

Однажды, когда он сидел в детдомовской комнате, залитой солнечным светом, отчего пылинки напоминали снег, мальчик решил раз и навсегда: если жизнь обходится с человеком несправедливо, это еще не значит, что надо вставать перед ней на колени и сдаваться. Сейчас он говорил об этом своей девушке.

Катя слушала его и соглашалась. Его слова, само его присутствие в ее жизни – поддерживали девушку. У обоих бегали по телу мурашки. И пока она успокаивалась под его теплыми прикосновениями, он с грустью думал о том, что не столько ты меняешь мир, сколько мир меняет тебя.

Оставив это при себе, спросил:

– Скажи, а... что тебя беспокоит сейчас больше всего?

Скрепя сердце она ответила:

– То, что мне всего двадцать лет. И что я умру гораздо раньше тебя, так и не успев ничего добиться.

– Так, погоди... У тебя еще есть время и все шансы, чтобы выздороветь. Ты же говорила с врачом.

– Да понятно... А если не поможет?

Он возразил ей, что она может быть примером для остальных людей:

– Не будет никаких «если». Потом уже будет поздно, а сейчас ты еще можешь сделать немало хорошего.

– Для кого?

– Если не для меня, то для себя. А не для себя, так для других.

– Пытаешься дать мне надежду?

– Просто, когда тебя не станет, ты все равно будешь со мной, ведь я буду о тебе помнить.

– Ты же только что говорил, что все заканчивается смертью.

– У всего есть срок годности, это правда. Но человек – это не кефирчик, не так ли? Мы же не знаем, что будет после того, как нас не станет.

– Да нет там ничего, после смерти.

– Мы не можем знать наверняка.

– Можем.

– Каким образом?

– Факты говорят...

– Ах, ну да. Ты же у меня журналистка, – снова начал раздражаться молодой человек. – Факты дают стабильность. Для меня факты говорят о том, что мы судим о смерти только косвенно. Подумай, чаще всего мы сталкиваемся с ее результатом: опа! – кто-то умер и все такое. Мы лишь наблюдатели. Болтать, что после смерти что-то есть, или, напротив, утверждать, что после нее ничего нет, – одинаково глупо. – Денис чувствовал, что вновь распаляется. Надо было сбавлять обороты. – Знаешь, прости... Ты не виновата, что все так сложилось. Я понимаю, как тебе хреново, и все такое, но к чему опускать руки раньше времени? Я тебе не мама и не папа, но мой тебе совет: не отказывайся лечиться, пока еще возможно пойти на поправку.

– Хорошо, я приму решение. А мы с тобой ходим к врачу?

– Конечно, ходим, – кивнул Денис. – Я тебя не брошу.

– Приятно так слышать эти слова, аж голова прошла. Ты прости, что так вышло. Ты у меня самый хороший.

– Я постараюсь. Давай мириться.

– Мы разве ругались?

– Ну, чуточку.

Около шести часов утра эти двое легли спать. Последним, что она помнила о той ночи, был его нежный поцелуй. Ощувив на себе прикосновение родных и теплых губ, едва пахнущих сигаретами, она уснула и проспала здоровым сном до полудня. Денису, пусть даже рядом с любимой, в то утро не спалось.

Пока она спала, Денис успел подготовить баню: накрошил щепы, принес поленца. В который раз заметил, что крыльцо давно просело, а перила накренились – напоминания о прошлогодних кутежах с друзьями. И дело не в том, что баня была отстроена после Великой Отечественной, а в том, что руки не доходили починить. Так бывает – знаешь, что работы на день, но каждый раз откладываешь. Мол, «время еще есть, завтра сделаю»...

Растопил, потом тревожился, бегал – проверял, все ли нормально: как прогорают дровишки, уходит ли через задвижку на трубе угарный газ, пошла ли тяга, комфортная ли температура? Когда угли раскраснелись, задвижку чуть при-

крыл – это помогает сберечь тепло. Обрадованный, что успевает протопить к полудню, сбегал за тазиком, чтобы набрать в него воды из ржавой бочки у крыльца. Совсем забыл, что тару нужно сполоснуть после вчерашнего.

Рассмеялся. Наконец отнес тазик с водой, поставил в предбанник. Дальше легче: оставалось подкидывать дрова да шевелить угли. Прежде чем разбудить Катю, слегка проветрился.

Освободившись, вышел на свежий воздух.

4

Парень был доволен результатом и совсем не чувствовал сонливости. Работа, которую он совершал на протяжении шести часов, взбудрила Дениса, помогла отойти от шока. Недавний разговор отошел на задний план, измена обжигала сердце уже не так лихо, казалась допустимой. А еще ему хотелось немного расслабить девушку после вчерашних событий: не отвлечь, словно ничего и не было, а позаботиться. Ведь забота – это проводник новых сил, открывающий второе дыхание, даже когда считаешь, что дышать уже нечем.

Хотя, может, все проще? И тогда он просто хотел сделать для нее как можно больше, успеть, прежде чем болезнь победит... «Нет, этого не будет, нельзя раскисать», – решил он, встряхнувшись.

Катя еще дрыхла, когда он к ней вернулся. Придумав, на-

чал щекотать ей пятку.

– Ай, ну малыш, ну зачем... – замурлыкала она, просыпаясь. – Иди ко мне, приласкаю.

Он забрался к ней под одеяло. Перед баней успели заняться любовью и позавтракать. Новый день, казалось, принес с собой надежду, что все образуется. Насчет онкологии они не говорили – не то чтобы избегали этой темы, а просто было ясно, что сейчас важнее побыть вдвоем. Важнее всего на свете. И все же, когда устроились чаевничать, призраки вчерашнего дня принялись за свое с новой силой. Кате становилось страшно, стоило ей представить, как родители отреагируют на новость о ее болезни. Казалось, что они запрут ее за семью замками, загнобят или вовсе – избавятся, как от лишнего груза.

– Ну что, Катенька. – Голос матери в ее воображении звучал отчетливо строго и насмешливо. – Ты у нас давно взрослая, где дверь – знаешь. Беги, радуйся со своим детдомовским, вам уже давно все можно, маленьких настрогаете – заживете!

Она боялась, что тогда придется забросить учебу, пропадать на какой-нибудь дурацкой работе. Хотелось заниматься любимым делом, а не прозябать в офисе или продавцом у прилавка...

Слава богу, с Денисом ей было легче и безопаснее. Этот человек давал ей то тепло и понимание, которого она не находила в семейном кругу. Шутка ли – простить измену

и не отвернуться от нее в такой момент. Не будь Дениса в ее жизни, она, скорее всего, сдалась бы и свела счеты с жизнью.

– Денчик...

– Чего?

– Думаешь, родители смогут меня понять? – спросила она обеспокоенно.

– Только идиоты будут желать смерти собственному ребенку. Они же у тебя неглупые люди.

– Нет, но они считают, что я должна жить по их правилам. И даже если папа пытается меня понять, то он все равно начинает прогибаться под маму.

– Знаю. – Он уже не раз об этом слышал. – Хочешь, не говори им ни о чем. Если будут нужны деньги, то я найду. – Денис продавал стройматериалы в сосновском «Вимосе», а временами шабашил кровельщиком по деревням. Платили неплохо. Нельзя сказать, что сирота вырос оптимистом. Сложно видеть в людях хорошее, если твои родители спились, а дядя, который тебя приютил, проигрался в игровые автоматы. За долги бандиты лишили дядю Юру ушей, а потом и жизни. Деньги он так и не вернул, вот и замокрили. Бандиты, они такие – дважды не спрашивают.

Незадолго до своей гибели он успел отвести мальчишку к бабушке, которая и завещала Денису этот дом. Спустя год после того, как он выпустился из детского дома, не стало и бабушки. Старость не радость.

Итак, оптимистом он не был. Вырос с убеждением: или ты

победишь свои слабости, или они победят тебя, сожрав без остатка. Именно это понимание и вера в то, что безвыходных ситуаций не бывает, помогли ему не превратиться в алкашей по примеру родни и не проиграть последнюю рубашку, как это удалось дяде Юре. До сих пор по поселку ходили слухи, что работники «скорой» из Приозерской ЦРБ отказались выносить тело безухого из квартиры. Или брезговали, или боялись, что последуют за игроком. Такой бардак творился в 90-е повсеместно.

Но это, как говорил Александр Цекало в той телепередаче с Лолитой, уже совсем другая история.

– Да нет, надо сказать, – нахмурился молодой человек. – А то, если тебя не станет, они себя совсем возненавидят.

– Ну, это уже их личное половое несчастье.

Дошло до того, что она всегда хотела реже пересекаться с родителями, потому что у них не получалось нормально общаться. Забота подменялась финансированием, а уважение к личности – стремлением контролировать каждый ее шаг.

А внешне все было благополучно. Ровно до тех пор, пока Катерина не принимала самостоятельных решений. Мама очень хотела, чтобы дочка стала юристом. «Зачем тебе эта журналистика? У нас в поселке даже газет нет. Где ты будешь работать?» – говорила Юлия Владимировна. Ей и в голову не приходило, что можно найти работу в Петербурге.

Поступая на журфак, Катя чувствовала, что градус напряженности в семье возрастет. Он и так подскочил вверх, когда

она рассказала, что они с Денисом встречаются. И если отец относился к выбору дочки ровно, то мамаша искала удобную возможность ввернуть что-нибудь оскорбительное в адрес Дениса. Вроде: «какое с ним будущее?», «мезальянс», и все в таком роде. «Если ты не уважаешь мой выбор, значит, не уважаешь и меня», – отвечала Катя, собирая рюкзак, а затем хлопала дверью и уходила к нему ночевать.

Возвращалась назад через неделю, с ощущением того, что здесь ей нет места. Поэтому девушка с нетерпением ждала момента, когда окажется в общежитии. Комнату обещали предоставить в следующем семестре – сейчас все помещения были заняты. Теперь же она думала о том, успеет ли ее получить?

– Что ты будешь делать, когда я умру? – спросила она у Дениса.

Вопрос ударил его, словно электрический разряд. Он поперхнулся.

– Не рано ли ты себя похоронила?

– Просто ответь.

– Просто не сдавайся. Обещаешь?

– Обещаю, – кивнула девушка.

– Тогда... я отвечу. Даже если вдруг я кого-то встречу, то таких глубоких чувств мне уже ни к кому, кроме тебя, не испытать.

– Мне тоже, – сказала она, легонько проведя пальчиком по уголкам его глаз, чтобы утереть проступившие слезы.

– И вообще, рано ты депрессируешь. Спешить жить, а не на-

оборот. Никуда от меня не денешься, – поцеловал он Катю, потрепав легонько по голове.

Наконец, улыбнулась.

Денис решил сменить тему, выглянув в окно:

– А помнишь, как сосед из хаты напротив жену лопатой в угаре забил, а потом пошел и сдался ментам? Орал на всю ивановскую, а еще думал, что никто не слышит. Помнишь, как он выходил из дома, ни жив ни мертв? До сих пор почему-то не привыкну к такому соседству. Сынок-то у него, который «путягу» закончил, «Жигулями» обзавелся взамен мопеда своего на прошлой неделе. Ты знала?

– Тьфу ты! – стукнула Катя ложкой по столу.

– Что?

– Это же он меня вчера... подвозил.

– Жуть, стошнит сейчас! Нашла о чем рассказать. Сейчас пойдем париться, выбью из тебя эту дурь... веничком!

Внезапно Катя расхохоталась так, что Денису показалось, будто она сойдет с ума от смеха.

– Что ржешь?

– Тот чувак оказался мужчиной класса «люкс».

– Ага, ну конечно, – надулся Денис.

– А я-то думаю: лицо знакомое. Смотрю и не понимаю, чего же он такой тупой? – продолжала хохотать она, сложившись пополам. Ногти вцепились в скатерть стола.

Отхлебнув из кружки, он попытался вернуть девушку на место:

– Твой врач верно сказал, что плохое случается со всеми. Сегодня не повезло тебе, завтра удача отвернется от кого-то еще, а потом наступит и моя очередь. К этому сложно привыкнуть.

– Да ладно тебе, не ревнуй. Это ничего не значило. – Катя вдруг испугалась. Не смерти, а того, что Денис ее кинет. «И в принципе будет прав. Когда рискуешь все потерять, тогда и становится видно, что на самом деле важно», – подумала она в приятном возбуждении, чувствуя, что слепота сменилась прозрением. – «Откуда это странное чувство всепоглощающей любви к себе, к нему и миру, несмотря на то, что я умираю?»

– Знаешь, я счастлива и хочу жить, сколько бы мне ни осталось.

Когда Денис услышал это, лицо молодого человека засияло, озаренное улыбкой. Он понимал, о чем она хочет сказать. Обоим было легко.

Катя продолжила:

– Никогда бы не подумала, что смерть способна объединять людей. А все говорят, что я умная.

– Это не делает из тебя идиотку. О зубном никто не думает, пока зуб не разболится. Вот и тут, появилась необходимость. И ни рак, ни что-то еще не изменит моего к тебе отношения.

– Правда?

– Правда.

Она верила тому, что услышала.

5

После бани ей полегчало: отмылась от лишнего, вчерашнего, пакостного.

Приятно было переодеться в чистое, да и сон пошел на пользу. «И чего я нервничаю? Ведь я же с ним, значит, нормально», – думала она, глядя на Дениса.

Когда вышли из района деревенской застройки – бывшей финской деревушки, – поселковая дорога, летом обычно ухабистая и пыльная, сменилась асфальтом, сейчас припорошенным, с редкими полосами от колес. На ветках высоких сосен белыми шапками гнездилися снег, и это смотрелось красиво. Обогнули детский садик (кирпичное здание из трех квадратных корпусов), где преподавали подросткам каратэ. Катя пришла к заключению: «Диагноз – это факт, но не факт, что лечение бесполезно. Я же упертая. Раз проверилась, надо идти до конца».

Их поселок располагался недалеко от Суходольского озера и был мало чем примечателен с точки зрения жителя большого города. Одно дело выбираться сюда на природу (охота, рыбалка, шашлычки...), и совсем другое – жить.

Оставшиеся здесь жители (в основном военные, благодаря которым поселок пока функционировал) привыкли к этим местам: озерам, лесам и убитым дорогам. Измудрялись най-

ти средства к существованию, халтурили кто чем. Например, летом обочина возле трассы была усыпана предприимчивыми жителями, которые продавали собранные рано утром ягоды и грибы дачникам и автомобилистам. Местные отнеслись к этой земле по-разному: одни называли поселение военным городком, другие поселком городского типа, третьи снисходительно: «ай, деревня».

Штука в том, что все были правы. Многие, конечно, переехали в Петербург. Там и работы больше, и цивилизация.

– Денчик...

– Чего? – откликнулся, почесав нос.

– Ты никогда не думал отсюда свалить?

– Не думал об этом. А что? – Он считал, что где родился, там и пригодился.

– Да так, помечтать хочу немножко.

– Поправишься, вот и переедем в Питер. – Молодой человек провел vareжкой по ее плечу, смахнув снежную пыльцу. – Одному мне там делать нечего.

Спустившись с пригорка, вышли к местному центру: несколько магазинов, общага, мини-рынок, на котором бабушки продавали свежее молоко в стеклянных банках...

Из продуктового вышел мужик, закурил. Возле общежития пацаны пили пиво. Местный алкоголик повторял привычное: «Командир, добавь два рубля».

На все это взирала искусственная новогодняя елка. Высокая и нарядная, она стояла среди такой компании лишняя.

Огни ее не горели – слишком светло.

– Зацени, так и не разобрали. – Девушка показала пальцем на елочный манекен.

– Ничего, к первому сентября догадаются, – ответил Денис. Посмеялись.

Вокруг мирно стояли постройки: шестиэтажки, облицованные коричнево-белой плиткой, серые низкорослые хрущевки, выкрашенные в желтый двухэтажные здания. За центром свалка, кочегарка (недавно отремонтировали), гаражи, поле и огороды. Затем шоссе и единственная на три поселка школа. С ней соседствовал сельский клуб – бывший ДК. Мимо исправно, хоть и раз в полчаса, курсируют автобусы. Маршрут: Приозерск – Санкт-Петербург (ст. м. Девяткино или Парнас).

6

Чем ближе они подходили к дому, тем заметнее Катя нервничала.

– Прямо задрожала. Страх берет? – спросил Денис, заметив проблему.

– Да, потряхивает, – призналась она. – Но у меня ведь нет выбора? Все-таки родители...

– Всегда есть выбор, – ответил Денис.

Катю продолжало колбасить:

– Хоть бы их не оказалось дома, – пожелала она, увидев

знакомые окна.

– Не переживай, – подбодрил он, обняв. – Если не хочешь, то уйдем, что-нибудь придумаем.

– Ладно, дадим им последний шанс. – Катя решила пойти на риск, вспомнив, что Денис уже давно – с тех пор, как потерял родителей, – не оглядывается назад. – Не будь тебя рядом, я бы смолчала, спасибо.

– Не за что. Хуже уже не будет, – ответил он, надеясь, что ей хватит смелости дойти этот нелегкий путь до конца.

– Хуже некуда, – вздохнула девушка, и они зашли в подъезд.

Когда попали внутрь, время показалось Кате вязким и липким: текло медленно, как остатки каши из кастрюли. Прием был холодным: раздеться им не предложили; к столу не пригласили.

Услышав, что кто-то зашел внутрь, мама вышла в коридор квартиры. Уголок губы вверх, глаза хитрой лисицы:

– Как мило, что вы надумали почтить нас своим присутствием! – совершила легкий поклон в сторону Дениса. Удивилась: – Господи, что это на тебе?

Катя предпочла сохранить самообладание:

– Мам, позови папу.

– Зачем?

– Надо, – настояла девушка.

Юлия Владимировна послушно крикнула мужа.

– Ну, чего еще? Иду, иду, ща... – Отец выбирался с бал-

кона. «Проверял банки с квашеной капустой», – догадалась дочка.

Увидев отца, выпалила:

– Мама, папа, я должна вам сказать кое-что очень важное.

«Забеременела!» – со страхом деревенщины подумала ее мать. Хуже этого, по ее мнению, и быть-то ничего не может.

«Женятся!» – уже собрался радоваться Александр Иванович.

Девушка поглядела на Дениса, а он, едва кивнув, взял ее за руку.

«Пора», – решила она и на одном дыхании выпалила:

– В общем, доктора обнаружили у меня рак. Но если я пройду «химию», то есть шанс, что все обойдется. Вы... меня понимаете? – спросила она, робея с каждой секундой все сильнее.

В ушах застучало. Ощутила, как охватывает колкая тревога, от которой никуда не деться. Уши горели.

«Зачем, зачем же я им сказала? Ведь знала, что понимания не будет...» – сокрушенно подумала Катя, предвосхищая события.

– Саш, ты слышал?

– Слышал, ну и что теперь?

– Как что теперь? Хрен ли ты тут встал? Пошел отсюда! – закричала женщина на Дениса, дабы после его ухода посадить свою девочку под домашний арест. А как же иначе? Ее дочь, возможно, умирает, а этот герой-любовник только ме-

шает родительнице трезво мыслить. Мать считала детдомовца коростой, от которой надо избавиться.

– Юля, хватит! Он-то тут при чем? – встрял отец Кати.

– Как при чем? Не будь подкаблучником, – схитрила супруга, вспомнив, что «лучшая защита – это нападение». Она находилась в состоянии вечной войны с домашними, не понимая, что сама не хочет с ними мира. – Это так ты, значит, беспокоишься о здоровье своей дочери, да? – спросила она, грозно надвигаясь на Дениса. Молодой человек перестал держать рот на замке. Он и так довольно долго это терпел:

– У вас тут совсем крыша поехала? Тоже мне, родители, бя... Ваша дочь сама не своя последние дни, а вы даже не знаете, что с ней творится. Вы вообще о дружеской поддержке слышали, нет?

– Нам-то известно, поддерживальщик.

– Мама, хватит! Благодаря ему, я здесь.

– И это, по-твоему, решает проблему?

– Вы и есть ее проблема, – только и сказал Денис, открывая дверь. – Кать, не трать нервы, ты была права.

Так бы они и ушли, если бы папа за них не вступился:

– Юль, баста! – встал он между ними. – Оставайтесь.

– Не при ней, – ответили молодые люди.

– Я же мать! – начала она давить на совесть, пытаясь заручиться поддержкой мужа. Но ее не последовало:

– Котенок, мы недолго, – попросил ее выйти.

Фыркнув, Юлия Владимировна ушла в дальнюю комнату.
– Ну, что говорят врачи?

Наконец, Катя пересказала разговор со специалистом, опустив момент, когда пожилой онколог обнял ее так, как никогда не обнимал родной отец.

У Александра Ивановича был коллега, который тоже проходил «химию». Назначили несколько курсов. Итог оказался неутешителен: рвота, поносы, облысение и смерть. Знакомый был крепким малым, но болезнь иссушила мужика, превратила в спичку. Он помнил, как помогал доходяге выйти из машины и доковылять до подъезда, где его встретили родственники. Несколько дней спустя он ушел из жизни, что глубоко потрясло родителя. Местные, как обычно, судачили: «С нашими врачами проще сдохнуть», «Медицина довела» и т. д. Он находил в сплетнях зерно истины: с одной стороны, заболевание непростое, а с другой, похоже на лотерею. Но одно дело – коллега по работе, а другое – собственный ребенок.

Выслушав дочку, отец задал единственный вопрос:

– Скажи честно, готова ли ты лечиться?

– Да, пап, готова.

Сказанного оказалось достаточно, чтобы отец собрал все имеющиеся у него накопления и оплатил дочери лечение:

– Тогда чего же мы ждем? Пойду в Сберкасса, а завтра на первой едем в город.

Услышав эти слова, Денис пожал Александру руку.

– Спасибо, дядя Саша.

– Та, лишь бы не зря.

Он надеялся, что лотерейный билет окажется выигрышным.

Юлия Владимировна верила в альтернативные методы лечения и отказалась «участвовать в этой аванюре». Ее вера в целителей и знахарок оказалась настолько крепка, что дочка, папа и ее молодой человек отправились к онкологу без нее.

Бедная женщина любила своего ребенка, любила мужа. К несчастью, она не научилась проявлять свою любовь доступными для понимания способами. Секта служила для нее отдушиной, дарила утешение.

Мама не замечала той пропасти, которая разверзлась между близкими ей людьми. Превратилась в изгоя, и, когда захотела наладить отношения, стало уже слишком поздно.

7

Пока троица ехала сквозь мрак на электричке до Петербурга, врач собирался на работу. Покормив свою пятнистую, цвета топленого молока и пушистых сливок кошку (завел, чтобы не превратиться в сухаря окончательно), он вспомнил о Катерине. «Не придет, скорее всего», – подумал пожилой мужчина и тут же получил СМС на телефон: «Здравствуйте, Игорь Вадимович, это Катя из области. Мы едем».

– Вот и хорошо! – облегченно выдохнул доктор, погладив кошку. – Ну все, я пошел. Не скучай.

Кошка, красавица с янтарными глазами, присела на лапках и, удивленно всмотревшись ему в глаза, ткнулась в ладонь хозяина мокрым шершавым носом: «Приходи скорее, не задерживайся».

За время врачебной практики он понял многие вещи. Например, что между новостью о диагнозе и началом лечения часто имеется огромный разрыв, заполняющийся многочисленными опасениями. Работал Игорь Вадимович давно и понимал, что не каждый способен справиться со своими страхами, сомнениями и предубеждениями, вроде: «А вдруг не поможет?», «Что же скажут люди?», «Я уже покойник» и так далее.

Все это казалось несущественным для обывателей, которых не застал врасплох трудный диагноз. «Проверился да пошел лечиться, в чем проблема?» – говорили они, попросту не замечая препятствий. Пациенты же, наоборот, могли впадать в противоположную крайность и преувеличивать трудности. Но это все – лирика, оставим ее поэтам.

Четверть века Игорь работал в онкодиспансере на Ветеранов, 56. Больница была основана еще в 1946 году и была одним из лучших медицинских учреждений города.

Уже на подходе к диспансеру можно было почувствовать запах лекарств. Для одних он ассоциировался со смертью, для других означал выздоровление. Проходя мимо парков-

ки для автомобилей и карет «скорой», Игорь Вадимович попал в хорошо освещенный холл. Там гардероб, скамейки, на которых пациенты с выбритыми головами и точечками от капельниц на локтях надевали бахилы или ждали встреч с родственниками. Недалеко продавали халаты для студентов медицинского факультета. Затем пункт охраны с турникетом. По лестнице проходила группа интернов. «Наверное, в лабораторию», – подумал он, когда с ним поздоровался коллега-преподаватель.

Войдя в кабинет, разделся. Повесил пальто на вешалку, убрал вместе с уличной обувью в шкаф. Вскипятив себе чай взглянул на часы. На них 08:30. Накинул халат. Через несколько минут медсестра принесла карточки и истории болезни. Начался очередной рабочий день.

Сейчас – пациенты, у каждого из которых своя история. А кабинет и больничная палата – это лишь места, где пересекаются их судьбы. Он уже забыл, что увидит сегодня Катерину, как вдруг она постучалась.

– Войдите.

– Здравствуйте, Игорь Вадимович. К вам можно?

– Заходите, прошу, не стойте в дверях, – ответил он, скрывая радость от ее появления. Он не был из тех, кто делит шкуру убитого медведя. Праздновать победу было рано. Жизнь не совершает остановок по требованию, а смерть не требует специального приглашения. Поэтому нужно работать.

На приеме больше всех нервничал отец. Не знал, как себя вести: начал с того, что у него есть деньги, поздоровался, а затем сел на кушетку. Денис и Катя сели напротив доктора. Девушка старалась сохранять спокойствие, но все же ерзала. Лицо выдавало ее напряжение.

Каждый задавал вопросы. Отца волновали сроки и стоимость лечения, требовал гарантий; Денис хотел знать, сможет ли его девушка иметь детей? Этот вопрос он задал Игорю Владимировичу тет-а-тет. Услышав, что сможет, облегченно вздохнул. Катя же беспокоилась о последствиях терапии и побочных эффектах от лекарств. В первую очередь спросила, сглотнув комок в горле:

– Я слышала, волосы выпадают, это правда?

– Вы очень правы, ко второй процедуре желательно хорошенько подстричься.

– Блин.

– Поправишься, и отрастут, – шепнул Денис.

– А тошнота, рвота?

– Она не всегда бывает, но легко снимается препаратами, я вам выпишу, они недорогие. Когда начнем лечение, питаться лучше небольшими порциями, за час или два до приема таблеток.

Врач не исключал, что после цикла «химии» придется сделать операцию, но не был уверен:

– Видите. – Игорь Вадимович показывал на снимок. – Опухоль небольшая. Поглядим, как будет реагировать на те-

рапию.

Старания оказались не напрасны: опухоль уменьшилась в размерах, назначенные препараты стали уничтожать раковые клетки.

Опухоль оказалась побежденной.

8

Юлия Владимировна достаточно спокойно отнеслась к тому, что муж решил помочь дочери деньгами: все-таки это же его накопления. Дело было не в деньгах, а в оскорблении ее религиозных чувств.

Неприятный разговор состоялся после первой же его поездки на прием к Игорю Вадимовичу. Отец благодарил Бога, что Катя проводила тот злополучный вечер с Денисом.

– Мы могли отвести ее на сеанс к Отцу-Абсолюту! А вы поехали к этим медикам. Ты всегда относился к нашим групповым встречам как к секте: «если делать нечего, пусть общается, сектантка», – начала скандал супруга, упрекая мужа в недоверии.

– Прости, но я не могу относиться к этому иначе, когда на кону жизнь и здоровье нашей дочери, – ответил он, понимая, что чаша его терпения почти что переполнена.

– Открой интернет, почитай, сколько людей мрет от химиотерапии. Отец-Абсолют говорит, что это все – яд, а твоя вера...

– Знаю я, что твой абсолют говорит, каждый день это вижу! – крикнул Александр Иванович, окинув взглядом их спальню. Повсюду были расклеены распечатки планетарных систем, знаки Зодиака, записки о встречах.

«А, вот ты где...» – муж сорвал листок, приколотый к двери, и начал читать шестой пункт Заметки на полях: *«Сегодня, когда Исторические события Квантового перехода уже стоят на пороге и от результатов поведения людей зависит уже не просто их Будущее, а Будущее всей Планетарной системы, Я просто вынужден сказать сразу всем жителям Планеты (и прежде всего участникам Движения), что Планета в который раз отдана в руки людей и если Пятая раса не сможет продемонстрировать ЕДИНСТВО в ДУХЕ, то судьба этих людей повторит судьбу всех предыдущих цивилизий!»...*

– Ах, ты еще издеваешься? Ну смотри, этого я тебе никогда не прощу, – прошипела ему жена. – Знаешь что, если Кати не станет, это будет на твоей совести. Маловерный! – бросила она ему в лицо оскорбление.

Этого отец стерпеть не мог. Еле сдержался, чтобы не ударить жену. Сказал в сердцах:

– Веры, говоришь, у меня мало, да? Не верю я в вашего Отца-Абсолюта, это да. Зато верю, что дочка поправится. – Александр Иванович смял листок с мурой и выкинул в раскрытую форточку.

Жена попыталась остановить, но было поздно: листок уто-

нул в снежной темноте.

– Ты что делаешь?! Это же святое!

– Лучше бы Библию читала, – ответил он ей и, взяв подушку, отправился ночевать в другую комнату. В ту ночь он даже смог уснуть, попытавшись списать услышанные гадо-сти на стресс, который испытывает супруга. Думал, что ей тоже тяжело.

9

Со временем та ссора забылась, спряталась за остатками прожитых дней, как вещичка, заваленная хламом на чердаке.

А когда Катя поправилась, Александр Иванович был вне себя от счастья: настолько, что не замечал очевидного – в то время как Денис с Катей стали еще ближе друг к другу, его собственный брак отказывался жить дальше.

Вскоре Денис сделал Кате предложение, от которого она не смогла (да и не хотела) отказываться. Разлом стал очевидным, когда молодые стали жить вместе, вопреки матери переехавшись в Петербург.

Глаза раскрыл не сразу, со временем. Не был готов признать: да, вчера (год, десять лет назад) было хорошо, но теперь – иначе. Ведь тогда придется принимать непростые решения, чтобы жить дальше.

Сначала отвлекался трудом, пропадал на работе. Переби-

вался халтурами: строил дачи тем, кого бедняки по привычке называли «новыми русскими». Ему, честно говоря, деньги были нужны мало: пожил, а побывать за границей, как просила его Катя, отказывался. Не то чтобы не хотел, стеснялся. После того, как дочка прошла лечение, стал тратить на себя меньше – бросил курить, побоявшись рака легких. Половину заработка он отправлял дочери на карту, еще часть отдавал жене. Немного в заначку – на рыбалку сходить, новые грузила купить, понтануться перед товарищами.

Иногда думал: «Так и проживем с ней дальше. Жили же, и ничего». Когда накрывало тоской, он находил поддержку в мыслях о дочери: Катя сделала правильный, пускай и непростой выбор, пошла на риск через боль и не прогадала.

Но ничто не проходит бесследно. Когда дочка перестала поддерживать отношения с мамой, он посчитал: все-таки что-то неправильно. Заметил, что стали бесить сектантские привычки жены. Она, в свою очередь, раздражалась, что муж не разделяет ее «увлечения». Раз за разом прокручивал в памяти тот зимний разговор. Фантазировал, что было бы, если Катя отказалась от лечения? А когда задался вопросом, «могла бы смерть дочери спасти их с Юлей брак?», жизнь ответила на его вопрос наглядно...

Летом следующего года Кати не стало. Она умерла ночью, во сне, рядом с любимым человеком. Спокойно и, как оба надеялись, без боли.

Врачи говорят, что причиной смерти стала аневризма.

Лопнул сосуд, и нет человека, – объяснял Денис по телефону.

Попытки преодолеть горе от утраты вместе с супругой не увенчалась успехом, и прозрел: надо расходиться.

Было чуточку грустно, ведь эта женщина (когда-то веселая, спокойная, пробивная) подарила ему ребенка, которого они вместе растили. И вместе потеряли.

Ее фанатизм, считал Александр Иванович, он ведь от отчаяния. Видимо, для супруги он оказался единственным средством, чтобы приспособиться к невзгодам этого мира.

Силы расстаться появились спонтанно – однажды утром проснулся, взглянул на некогда родного ему человека, спящего рядом, и понял, что чувств не осталось. Точка.

Он не знал, можно ли сравнить возможность умереть от рака с разводом, но понял, что пора последовать примеру дочери – рискнуть. Он верил, решение будет правильным.

Ведь не выигрывает лишь тот, кто не ищет победы.

27.01.13 – 19.03.2017

в Санкт-Петербурге.

III. Жизнь после смерти

Форман Уилсону:

– Терпеть боль ради тех, кто тебе дорог....

Для чего еще мы живем?

«Доктор Хаус», 21 эпизод 8-го сезона.

Одна из квартир шестиэтажного дома, холодное утро. Холодней, чем все предыдущие, несмотря на то, что уже прошла первая половина лета. И дело, если честно, даже не в погоде. Каждое утро холодней предыдущего, когда они идут к своей дочери на могилу. Да, ее родители, муж и жена. Да, к своей мертвой дочери, мать и отец. В комнате приоткрыто окно, и от легкого утреннего ветерка супруг заворочался. Проснувшись, пошел на кухню, вскипятить себе чай. Восемь утра. Каждое утро до ужаса, до тошноты похоже на предыдущее с тех самых пор, как ее не стало. С тех пор, как она умерла, каждый новый день – пытка.

Жизнь его замерла, а брак превратился в топь, из которой он не находил ни сил, ни смысла выбраться. Буксовал.

Душа Александра Ивановича, казалось, была стянута жгутами, не дающими продохнуть. Все эти четыре года после ее смерти он не забывал о ней ни на секунду. Все эти четыре года, после ее ухода. «Смерть» – само это слово он ненавидел. Каждое утро он просыпался и надеялся, что она живая

и невредимая, что все только приснилось и ничего плохого с ней не происходило в реальности, – он восставал против конечности человеческого бытия, потому что его дочь такого конца не заслуживала. Может, все дело в том, что он был плохим, невнимательным отцом для своего ребенка, а теперь сожалеет об этом, когда уже поздно что-либо исправить?

Еще и спина болит... Отличное начало нового дня.

«Шло бы все к черту! Доченька, прости меня. Я очень по тебе скучаю. Если ты где-то существуешь и как-нибудь меня слышишь, то знай, что я люблю тебя и всегда любил. Просто из меня вышел плохой батька. Что я мог сделать иначе, когда ты была жива? Не знаю... Или все, или ничего». – Чайник вскипел, мужчина достал кружку, кинул две ложки сахара, положил в кружку чайный пакетик и залил все кипятком.

Порой сознание его прояснялось, становилось видно, что он винит себя зазря, внутренние пути ослабевали.

– Сложно говорить, когда тебя уже не вернуть, но почему, почему доходит слишком поздно: у нас есть намного больше для счастья, чем видно в паутине собственных проблем?

От возни на кухне мама девочки проснулась. Сон улетучился, словно его и не было. Женщина открыла глаза и некоторое время смотрела в потолок. Перед глазами опять – постылая действительность. Вероятно, она – эта самая действительность – и без того была не слишком радостной, но когда теряешь собственного ребенка... Такое ни с чем не спуг-

тать...

– Чего ты там шепчешься? – спросила она мужа, почесывая коленку под одеялом.

– Так, мысли вслух...

– Как ты спал? – После смерти своего единственного ребенка супружеская пара остерегалась говорить что-то дежурное типа «Доброе утро» – уж очень это казалось глупым и неприемлемым.

– Нормально, Юль. Кушать будешь? Чайник нагрелся.

– Да, немного надо. Саша, сегодня идем?

– Пойдем... Чего ж не пойти...

Жена встала с кровати, босиком дошла до окна, которое всю ночь было открыто, и остановилась, будто в ступоре: сегодня ровно четыре года с того самого момента, как врачебная ошибка отправила Катеньку на тот свет.

Да, недоработали. Не может быть, чтобы они победили рак, а потом... Сначала мать обвиняла врачей, затем скандалила с мужем – не верила, что во всем виновата какая-то аневризма.

На одной из встреч сторонников учения Отца-Абсолюта соратница поддержала:

– Что поделаешь... Помнишь же, как говорят.

– Как? – спросила Юлия Владимировна, смущаясь.

– Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Значит, судьба.

«Бог мой, в чем же мораль этой трагедии? Но даже ес-

ли так, почему на душе до сих пор тяжело?» – размышляла она, глядя во двор. Наступало погожее летнее утро – жизнь за окном их двухкомнатной квартиры, будто бы в насмешку, не соответствовала состоянию тоски и уныния, в которое мать погрузилась, как рыба в воду, не успев толком проснуться.

Облокотившись на подоконник и выглянув из окна, Юля посмотрела по сторонам. Как и всегда, глаза ее в первую очередь наткнулись на сосны: за леском, если вы знаете эти места, можно найти озеро, в котором раньше водилась рыба, купаются ребята. Женщина с грустной улыбкой наблюдала, как паренек в шортах и майке садился на свой велик, оставленный у дерева, – заходил за сигаретами в ларек. И вот он уже несется догонять остальных, воинственно улюлюкая, – так, что только песок из-под колес тонкой полоской да слышно, как хрустят камешки, разлетаясь в разные стороны. Прямо напротив нее детская площадка, на скамейке возле которой алкаш пьет очередную бутылку пива.

– Здравствуй, Юлечка! – сказал ей дедок, встретившись с ней глазами.

– Привет, дядя Вова... – ответила она через силу.

Мужик собирался спросить что-то еще, но она его опередила, закрыв окно.

– Все в порядке? – обратился к ней Саша.

– Да, просто... зябко.

Что дальше? Сегодня суббота, и скоро они пойдут к ней

на кладбище. Проведать ее фотографию на гранитном камне, поплакать около надгробия. Постоять возле Катинной могилы, а потом, чуть успокоив душу, вернуться домой. «Время ничего не заживляет», – думала она устало. – «Если бы Катенька умерла своей смертью, было бы легче», – размышляла женщина, не понимая, что *смерть и так у каждого своя*.

«Почему она ушла из жизни так рано? Двадцать один – смешной возраст». Один вопрос влек за собой множество других, и все они одинаково напоминали о произошедшем. Но порой воспоминания – это все, что у нас есть. Лишиться их означало похоронить свою доченьку вновь, только уже навсегда. Чего-чего, а этого Юлия Владимировна позволить себе не могла: она считала, что экс-мам не бывает.

Да, может, за долгих четыре года правильной было бы смириться с тем, что уже случилось, пойти дальше, зажить по новой, но женщина предпочла себе роль мученицы. В страдании, оплакивая свою мертвую девочку, она находила смысл своей жизни. Не желая понять, что это уже не жизнь, а скорее доживание.

В детстве Катя была очень послушной, просто золотой девчушкой. Всю свою такую короткую жизнь она была доброй. Жизнерадостная и приветливая ко всем, Катенька даже не успела закончить институт. Мир лишился талантливой журналистки...

С годами произошедшее удалось переосмыслить, подрав-

нять. Оглядываясь назад, например, Юлия Владимировна стыдилась того, что невзлюбила Дениса. Теперь она понимала почему – ревновала. Боялась отпустить повзрослевшую дочку (вдруг упорхнет и не вернется, кого тогда винить, кроме себя?) и потеряла ребенка навсегда. Несколько лет спустя она думала совсем иначе:

«Хорошо, что Денис всегда был с ней рядом», – подумала мать с благодарностью, которая сходила на нет, едва она припоминала, что парень узнал обо всем раньше, чем они с мужем. Если женщина пыталась найти для себя подходящую увертку, чтобы снять с себя тяжелый груз недоверия собственной дочери, ее клеймило каленым железом что-то грозное, едкое и слишком справедливое: *«Не оправдывайся. Дочка боялась рассказать вам о своей болезни. Вспомни, как она волновалась»*, – не отпускал Юлию внутренний голос, а с ним и чувство вины.

Итак, женщина сумела уяснить, что молодой человек был не виноват в смерти Кати, смягчилась, однако так и не смогла поговорить начистоту со своим мужем. Боялась, если разговор состоится, то на нее сойдет оползень всего, что он умалчивал за годы ссор и обид. Надо было сделать шаг навстречу, оказать поддержку, предложить: «Давай поговорим», но страх оказывался сильнее.

Да и Александр, похоже, не стремился откровенничать. Поначалу пытался, а потом, что называется, забил. Стал уходить от разговора. Буквально: пропадал на халтурах. Прихо-

дя домой, валялся с ног от усталости.

Была еще идея съездить за границу, развеяться, посмотреть мир, но Юлия отказалась. Мол, там же все чужое. Полжизни прожито, и ничего, – да и какие теперь поездки?

Но надо было выпить чаю, сполоснуться под душем и выходить на улицу. Вообще говоря, после сорока лет время словно замедляется, а с тех пор, как не стало Кати, Юлию Владимировну не отпускало чувство, что оно вообще грозит остановиться. И поэтому вперед – имитировать активность, занять себя хоть чем-то, дабы дожить до вечера, чтобы полночи опять не спать, а под утро проснуться, и опять все сначала...

– Ну что, одеваемся, и к Кате? – спросил он свою жену, когда она вышла из ванной.

– Да, не будем ждать. Только голову высушу, и можем идти.

– Ты права, незачем тянуть, – согласился с ней муж с каким-то непонятным ей блеском в глазах.

Молча оделись, закрыли квартиру и спустились во двор. Он тихонько обнял ее, и они прошли мимо детской площадки, свернули направо, вдоль новостроек с одной стороны и хрущевок вперемешку с сараями и избушками – с другой. На улице было по-утреннему прохладно, но при этом ясно. Туман давно уже рассеялся, и солнце уже начало греть этот мир, постепенно превратившись из мягко-розового в слегка оранжевое, а его лучи освещали мокрую от тумана тра-

ву, превращая мелкие капельки на ее листочках в блестящие бисеринки.

Своеобразное «место встречи» становилось все ближе. Своими виднеющимися издали очертаниями кладбище заставляло супружескую пару задуматься: смерть – это остановка по требованию или финал на маршруте жизни? А может, другое ее агрегатное состояние?

По пути раздавался нестройный лай собак, пели птицы. Вот они прошли мимо того дома, где когда-то пьяница забил до смерти свою молодую жену, а вот и дом Дениса: понурый и опустелый без хозяина, он держался строго. Входная дверь закрыта на замок, блестящий и заметный, как орден на груди солдата. Теперь огород брошен, в канавах вода, а между забором сеточки паутины. Гопота сюда не суется: ни в дом, ни за калитку, хотя могли бы разворовать – чужое горе тревожит, отпугивает.

Местные относились к Денису нормально: парень знал труд, не отказывался помочь другим. Хорошо относился к нему и Саша, иногда они пересекались на кладбище. В последнюю встречу Денис сказал, что ему невыносимо оставаться в деревне: «все родное и чужое одновременно. Не могу я так, Саш, *после*. Разрываюсь. Уеду куда подальше».

И вдруг он понял, что сегодня в его жизни должно произойти кое-что очень важное и, скорее всего, даже хорошее. Мысль эта пришла ему в голову, когда он почувствовал напряжение, охватившее его супругу. Хуже всего то, что на-

пряженность эта не сулила ничего доброго.

Убрав руку с ее талии, он пошел дальше как ни в чем не бывало. Какое-то время они молчали, и он вежливо не лез ей в душу, но потом все-таки спросил с призрачной надеждой на благополучный исход разговора:

– В чем дело, Юль? Что тебя изо дня в день напрягает?

– А ты как думаешь? – ответила она вопросом на вопрос.

– Я думаю... – Он посмотрел на ее лицо, которое до сих пор находил красивым, и хотел ответить ей что-то утешающее, но венки на ее висках пульсировали, а щеки покраснели в знак того, что его супруга едва справляется со своим раздражением.

«Как же меня достало, что ты вечно всем недовольна», – подумал он и произнес:

– Я думаю, что мы с тобой были плохими родителями для своего ребенка, и еще я думаю, что ты винишь меня в ее смерти.

– А кого? Кого я должна винить?

– Да никого! – сорвался на крик Александр и, в момент успокоившись, добавил: – Искать виноватых можно сколько угодно. Катю это, к сожалению, не воскресит.

– Как ты можешь нести такую...

– Я не договорил.

– ... чушь?! – досказала она так, что «шшшшшшшшшш» звучало у него в ушах, будто бы он говорил с гремучей змеей, а не с женой, которую любил долго и, видимо, слишком

преданно и даже по-рабски.

Злоба накипью заполонила мозг. Зашла на второй круг, не оставив шанса на примирение. Значит, надо договорить до конца и самому обозначить финал их затянувшейся истории.

Он продолжил:

– Ты спросила, что я думаю, так вот дослушай. – Внезапно мужчина ощутил былую уверенность в себе. Понимал, что должен наконец-таки высказать жене все, о чем молчал эти долгие четыре года, и не испытывал ни малейшей неловкости оттого, что этот разговор состоялся в годовщину смерти своей девочки. – Я думаю, что ты привязала меня к себе, как пса на поводок, и, наконец, я думаю, что ты поступила паскудно, когда запрещала ей переехать с ним в Питер. Я вполне понимаю его чувства и рад, что они любили друг друга. Думаешь, только тебе тяжело? Постоянно о ней думаю, перебираю в голове свои косяки, как осколки разбитой тарелки. Считаю себя плохим, а для чего? Это ведь не так. И ты на самом деле не плохая. Просто – если разбитое не склеить, давай меняться. Как бы дико для тебя это ни звучало, – жизнь продолжается.

Тут она с перекошенным лицом вцепилась ему в пиджак, так, что ему ничего не оставалось, как оттолкнуть ее от себя в сторону. Держа пуговицу в своих когтистых руках, теперь больше напоминающих ему лапы, она шлепнулась на землю, слюнявая и злая.

– Никогда не думал, что подниму руку на свою женщину. Но, видно, все когда-то бывает впервые. – С этими словами он протянул ей свою крепкую руку, чтобы помочь ей подняться, но она отказалась, стукнув ногой по земле, будто лошадь копытом.

– М-да... Видела бы тебя Катя... Я пошел на могилу к дочери, и если хочешь, то пошли со мной.

– Нет, – прошипела на него жена, словно маленький ребенок в песочнице, которого заставляют идти, куда он не хочет.

– Тогда сиди тут, а мне пора.

Она смотрела ему вслед, а он от нее все удалялся, и удалялся, и удалялся.

– Да и муж из тебя был хреновый!

– Может быть, – обернулся он, замедлив свой шаг. – Думаю, это значит, что тебе пора искать нового. Ты же сама меня пилила, что «сельская жизнь не для тебя», так что уматывай, и не придется дальше тащить свой крест. – Проведя черту, он продолжил свой путь, а она так и осталась сидеть на дороге, не ощущая ничего, кроме бессилия и злобы.

Неделей позже она вернулась в Санкт-Петербург на квартиру своей матери, где предпочла дожить свои дни в гордом одиночестве. Бог с ней! Ну а мы лучше узнаем, что же было дальше тем субботним утром, когда Александр в одиночку перешагнул скромную калитку местного кладбища, которая никогда не закрывалась, – зачем? Да и потом, «готы» и влюбленные чувствовали себя здесь прекрасно, вели се-

бя тихо в месте последнего пристанища усопших, не мешая, а скорей сочувствуя остальным посетителям их спокойной обители.

Саша, несмотря на разборки с женой, чувствовал себя легко и впервые за все это время... свободно. Еще не счастливо, но уже свободно. Поздоровавшись взмахом руки с дворником – дедом, который жил недалеко от кладбища и присматривал за ним с тех пор, как вышел на пенсию, Александр без труда нашел место, где была похоронена его дочка.

Впервые за долгие четыре года он позволил себе от души улыбнуться.

– Ну здравствуй, моя хорошая. Как твои дела? Знаешь, сегодня я стал другим человеком, и вот как это было...

16.01.13 22:57,

в Санкт-Петербурге

Столкновения

Посвящается Марте Казанцевой

*...всё это просто условные вещи. Красный стоп-кран
в руках соседа. Он прав. Потому что с точки зрения
вечности
никто никуда не уехал.*

Леха Никонов. В поезде

Дурочка перебегала дорогу на красный свет – это прокатывало и раньше. Она спешила домой после школы, раздосадованная, что опаздывает. «Что за дурацкая привычка – париться о дисциплине в преддверии Нового года?» – дулась она на классного руководителя, по прихоти которого ребятам пришлось задержаться после шестого урока.

«Каждый год одно и то же. В следующий раз закошу», – решила она, поправив лямку рюкзака. Стужа подталкивала ее домой, забираясь под пуховик, заставляя поторопиться. Хотелось закинуть ученые книжки, переодеться и ускакать к своему мальчику греться.

Хрустальные снежинки кружились над головой, словно десант – немой и белый. Зима была скользкой, городок небольшой, а улица пустынной.

Школьница почти уже оказалась на противоположной стороне дороги, как вдруг прямо на нее вырулил старенький Audi. Водитель засигналил и затормозил, но так и не ушел от столкновения.

«Приехали», – подумал он, проскользнув вдоль «зебры».

Машина остановилась, загорелся нужный пешеходу сигнал светофора, но было слишком поздно.

«Она трупак», – решил он обреченно, глядя за тем, что происходило снаружи.

Школьница успела подпрыгнуть и пролетела пять метров, как Тони Хоук, при падении. Влепившись с разгона в сугроб, девочка принялась отряхивать белые хлопья с лица.

Она была в шоке, но еще больше был удивлен автомобилист, поцеловавший капотом машины юную красавицу. Свернув на обочину, он выскочил на свежий воздух и, даже не закрыв дверь своего авто, побежал к потерпевшей.

Она отряхнулась от снега и очень вовремя заметила погоду. Со словами: «Вот, бя... ничего себе...», отбивающими пульсом марши в голове, она почувствовала легкую дрожь в руках, которую не могла унять. В следующую секунду ей захотелось бежать прочь от мужика, который вклинился в ее планы на сегодня. Хам! Так быстро она никогда не бегала. Видел бы такое Олег Дмитриевич, сразу бы пятерку в аттестат по физре вмазал, не иначе.

– Девушка, потерпите! Куда же вы? – крикнул водитель в надежде, что слова образумят беглянку.

– От тебя подальше! – взвизгнула девушка, выдыхая пар, окрашивающийся белым. Не в силах подумать иначе, она продолжала бежать, считая, что если этот человек ее сбил, то от него ждать хорошего не приходится. Стопка школьных учебников больно стучала по лопаткам. Попытавшись скрыться за поворотом, девушка поскользнулась на луже, замерзшей, будто холодец. Второго шанса догнать ее могло и не быть, так что мужчина, едва не повторив пируэт своей новой знакомой, успел затормозить и галантно протянул ей руку.

При других обстоятельствах оба вдоволь посмеялись бы над собой.

– Давай ручку, не бойся. Давай, давай. Я не укушу.

– На уже, только не плачь, – подала она ему ладошку просто, словно маленький доверчивый ребенок, которому в следующем году предстоит выпускаться из школы.

Льдинка, ошпаренная смертью, она начала приходить в себя. Хороший сюжет для сценки на выступление по случаю выпускного. Которого она могла не застать. «Оказывается, каждый день, что я живу, – это здорово. И как это старики добираются до своих лет?» – спросила она себя, смотря в глаза человеку, который всего лишь ехал по своим делам. Кареглазый и черноволосый, он шмыгал носом, часто дышал, и лицо его выражало теплоту и участие.

С небольшим усилием мужчина помог ей подняться на ноги.

– Девочка, я сожалею, – сказал он, и это было правдой. В тот миг он любил ее. – Давай, у меня есть деньги, я тебе дам все, что есть, – высказал речитативом водитель с видом мученика, спешащего скинуть ненавистный ему крест. Ублюдком он не был, и потому недоумевал, за что ему прилетел такой подарок? Ехал себе спокойно, никого не трогал: поворотник включен, завершал маневр (на свой, сука, свет!), и тут на тебе!

«Тоже мне, бизнесмен», – укорял он себя, любуясь котеночьими глазками девушки с поразительно верными чертами лица и остренькой улыбкой победительницы.

– Грех отказываться. Больше тебе ничего не дать?! – пошла она в наступление, взяв из раскрытого кошелька с деньгами пять тысяч рублей.

Он чуть не убил пешехода. Девчонку, которая забила на правила. Переживал, а ей хоть бы хны. Сейчас бы ругнуться, но что-то его сдержало.

– Давайте я вас домой доведу, – заглушил он всплеск истерики, удостоверившись, что девочка взяла оранжевую бумажку. Сколько она накупает на эти бабки! Здесь, в этом городке, в котором подростки в хороший день имеют максимум три сотки. И что эта «пятера» родителям этой красавицы, если бы она сейчас была мертва? Так, повод посмеяться.

– Нет уж, мне хватило, увольте, – убрав в карман куртки купюру, козырнула школьница словечком, почерпнутым из сегодняшнего урока литературы. Того, который мог стать

последним для нее. Сразу вспомнилось, как однажды она прослышала о законах Мерфи и спросила у исторички, которой доверяла, к чему эта хрень? «Это ученые шутят», – ответила женщина с улыбкой. Ученица не знала, улыбалась ли историчка после уроков в тот день, но знала, что на следующий день женщина не вышла на работу. По уважительной причине – умерла. Вполне возможно, что та ее насмешка над законами Мерфи была последней в ее жизни. С тех пор девушка усвоила, что самая плохая ситуация может быть еще хуже, и никакие это вам не шуточки. В сущности, жизнь в такие моменты представлялась ей прекрасным принцем, который шикарен ровно до тех пор, пока не разглядишь в нем бомжа. Но, поскольку плохих ситуаций в ее жизни толком-то и не было, законы Мерфи канули в небытие вместе с той теткой. Как ее там звали?

Пока несостоявшаяся жертва вспоминала имя своей училки, он изумлялся наглости девчонки, чувствуя, как на него находит приступ гнева. Поразительно, как живучи и забывчивы люди! По собственной прихоти и неосмотрительности играют с огнем, моля затем Бога о пощаде, а когда Он услышит их молитвы (или если тупо повезет), начинают выеживаться вновь.

«Какого хрена я такой вежливый?!» – подумал он, раскручивая туго затянутые гайки. Надо было высказаться:

– Слышишь ты, пуговка! Ты в каком классе, а?

– Что?! – опешила она.

– Дорогу переходить надо на какой свет, Фося? – отчитывал он ее в запале, давал эмоциям выход. Выводила из себя безответственность школьницы.

– Я вам не Фося!

– ...Или вы там совсем... того? Школьнички, блин.

И тут из ее глаз хлынули слезы, которые потом сменил океан гомерического хохота.

– На зеленый, – выдавила девчонка из себя, вытирая мокрые щеки.

– Молодец. Так почему ты перебежала?

– Спешка. Знаете, у вас теплая рука.

– Спасибо. – Только сейчас он вспомнил, что оставил перчатки в машине. – Так и как же тебя зовут?

– Люся. А вас?

– Николай, – ответил он, смекнув, что не так уж и ошибся с Фосей.

– Странно говорить, но я рада знакомству, – сказала она слегка смущенно. Мол, ну извини, дура я была – вспылила.

«Было бы иначе, очнись ты в реанимации. Хотя вряд ли бы тебя довезли», – подумал он, съеживаясь изнутри.

Слишком легко было себе представить, что она могла бы умереть. Да и камер на дороге нет – посадили бы, и все тут. Он был бы не виноват, но все равно испытывал бы вину.

«Слава богу, ты живая», – стучало сердце в его груди.

– Спасибо, я тоже, – сказал он чистую правду, наконец расслабившись. Гнев сменился на милость. – Вас прово-

дить? – Глупо было навязываться, ведь провожают, когда знают, куда идти, но, когда девушка спокойно повела его за собой, неуверенные мысли отступили.

– Да, пожалуйста, – согласилась Люся.

– Как прошел день в школе?

– Знаете, вполне себе ничего. Бежала к подружке, – мигом соврала девушка, задвинув своего парня подальше, – а тут какой-то черт выскочил из табакерки и научил меня летать.

В памяти осталось ощущение полета над дорогой. Никакая жизнь не пронеслась перед ее глазами так, как об этом говорят в кино. Она и испугаться-то не успела. Пока летела, не думала ни о чем: ни о школе, ни о спешке, ни о вечно нервном молодом человеке. Сознание перед лицом смерти расчистилось так, словно все началось с чистого листа.

– Хм, кто бы это мог быть? – Николай притворился задумчивым, заботливо стряхнув снег, набившийся в капюшон Люсиной куртки. «Теперь порядок», – довольно решил он.

– Ума не приложу. Хотя знаю я одного Шумахера. Говорит, что школьник сбивать – это его хобби...

Они шли к ее дому, и снег хрустел под ногами. Пока они говорили, метель прекратилась, но он все равно обмотал свой пахнущий туалетной водой шарф вокруг ее шеи, чуть тронутой загаром из солярия. Он заботился о ней, как молодой человек, и она приняла его заботу, как подобает девушке. В тот день оба были настоящей парой, объединенные одним секретом на двоих. Увидев впереди ее пятиэтажку, он

загрустил, подумав, что все скоро закончится. Сядет в машину (если ее еще не угнали), сиденья которой давно замело снежной пылью, придет домой, где его будет ждать верный пес, чашка молотого кофе и горячая ванна. Вот и вечер наступит. Поспит, а там и на работу пора. Не жизнь, а малина!

Возле парадной зазвонил «дебильник»:

– Ох, погодите. Я должна ответить.

«Родители? Парень? Почему для меня это важно?» – подумал Николай, закурив сигарету, что на самом деле лишь повод, чтобы не смотреть ей в глаза.

– Привет, милый. Я уже почти дома, скоро...

– Почему так поздно? Ты с кем, и когда придешь?

– Через полчаса, не раньше.

– Мы так не договаривались!

– Ладно, все, счастливо, – ответила она и с удовлетворением закончила этот короткий разговор. Ей стало душно.

– Быстро вы, – обронил Николай, чигнув недокуренную «сижку» в молочную пустоту.

– Ну... – Смушенная улыбка новой подруги осветила всю его оставшуюся жизнь. – Бывают в жизни огорченья – вместо хлеба едят печенья.

– Понятненько. Какие дела?

– Проводишь меня, просто до площадки? – спросила она, как спрашивают тех, кому хотят начать доверять.

– Это можно. Только зачем?

– Поймешь позже.

– До чего же ты загадочная. Пошли.

Оказавшись в подъезде, стены которого были окрашены розовой эмульсионкой, они поднялись на третий этаж.

– Слава богу, у тебя тут кошками не воняет, – заметил он, сам не зная зачем.

– Март еще не наступил, рановато. Ну... а мне, пожалуй, пора, – сказала она, засмеявшись и смущенно выстукивая сапожками снег из-под подошв.

– Пожалуй.

– Вот тебе твой шарф. – С этими словами Люся обмотала его голову шарфом, как носят платочки бабушки.

– Эй, это за что?

– За Фосю, – ответила девушка игриво, чувствуя, что ей будет не хватать этого запаха.

– Ладно, Люся, не урчи, – усмехнулся он в ответ, впервые назвав красавицу по имени.

– Ну, было приятно.

– Ага, – согласился он.

Пока она чеканила каждый свой шаг по ступенькам вверх, он думал, и внутри него натягивались жгуты. Канаты и веревки. Перед тем как достать из своего рюкзака ключи, она обернулась. И дело вовсе не в том, что за дверью ее ждали вечно пьяный папа и мама, постоянно требующая от дочки психологической поддержки, а в том, что здесь, в холодном подъезде, ей было интересно открывать в себе мир новый, узнавая чужой.

– А чего не уходишь?

– Кто понял жизнь, тот не торопится.

– Забавно. У нас... что-нибудь еще намечается?

– Скажем, сегодня ближе нас двоих больше никого и нет.

– А номер чего не спрашиваешь? – спросила она оценивающе и с надеждой.

– Зачем? – ответил он, заметив, как она расстроилась. – Теперь я знаю, где ты живешь. Так что...

– Буду ждать, – просветлела она, послушная и счастливая.

– Спасибо, – поблагодарил он и зашагал вниз, заметив собственную улыбку. Ништяк. Подобный кайф он испытывал, когда ему было двадцать.

Тогда он учился на инженера и гулял с Варварой, девушкой с рыжими волосами и веснушками. Она носила джинсы и слушала Дэвида Боуи, тогда как он предпочитал «Зоопарк» и «Кино», но им было хорошо вместе. Позже Варя уехала на несколько лет со своим дядей в Анапу, где тот имел политический вес и пригрел ей местечко. Подобный стратегический ход задевал Колю в морально-этическом смысле – казалось, что она выбрала бабки и удобную жизнь вместо любви и обыденности, предала. Он назвал ее решение уехать с дядей лицемерием. Как бы то ни было, влюбленные, не договорившись между собой, разминулись, и затем Варя исчезла из его жизни. То ли дядя не одобрил музыкальные вкусы Вареньки, то ли еще что, но, когда Николай смирился с потерей любимой и собирался сколотить карьеру, она вернулась.

Он повстречал ее на автобусной остановке, с иной прической, но все тем же колким взглядом и пофигистической улыбкой. В сопровождении скользких мимо трамваев и хохота ребятишек, которым в недалеком будущем выпала карта стать героиновыми наркоманами 90-х, эти двое взяли шампанского и пошли гулять по крышам Лиговского проспекта, встречая ГКЧП вместо рассвета. Романтика!

Новость о том, что девушка, которую он некогда любил, избрала путь профессиональной шлюхи, стала последней каплей их былой любви, выпитой, как та бутылка шампанского, оказавшейся аперитивом к закату Советского Союза. Тем вечером молодого человека не интересовало ничего: ни он сам, ни будущее его изнасилованной страны, ни тем более какую музыку теперь слушает Варвара, ставшая совсем другой. С той поры на полотне ночных небес поблекли все звезды. Хулиганы выцарапали на нем слово из трех букв, порвав фиолетовую красоту на тряпки.

Нельзя было сказать, что он ожесточился, нет. Скорее, стал безразличен ко всему. Поэтому, когда на заводах перестали платить деньги и еще до того, как народ стал платить по счетам спиртом на крови, а Ельцин положил голову на рельсы (ой, этого так и не произошло), Николай ушел в криминальный бизнес. Семейой он так и не обзавелся, значит, рисковать нечем. Он участвовал во многих встречах, сделках и разборках, и если чем-то мог похвалиться, то лишь тем, что никого не убивал за все эти шальные годы. Девяно-

стые, на его взгляд, оказались парадоксальным временем, где никому нельзя было верить, и в то же время честное слово ценилось настолько, что за вранье убивали. . .

Ковыряя снег на пути к брошенной четырехколесной старушке и отдаляясь от новой подруги, Николай думал, что люди могут чувствовать друг друга на расстоянии. Реально. Быть вместе в мурашках по спине, вызывающих улыбку, даже когда на улице прохладный осенний дождик. Такая связь может быть непонятна другим людям именно потому, что она касается двоих, переживающих со-бытие здесь и сейчас. По дороге домой в замерзшей машине он вспоминал момент из давнишнего сентября, в котором они с Варей были вместе, строя планы на светлое будущее. В том отрезке памяти его девушка находилась дома у своей бабушки, а он закосил от лекции только лишь для того, чтобы позвонить любимой из телефонной будки. Он шел по городской площади, мимо всех этих мальчиков на велосипедах, разъезжающих с радостным свистом; женщин с сетками, полными продуктов; работяг, спешащих скрыться во двор, дабы поиграть с собутыльниками в сикку. Вдруг поднялся ветер, хотя ранее светило солнце, а после начался дождь с запахом осени.

Открыв дверь будки с телефоном-автоматом, который во времена, когда никакого Интернета не было и в помине, мог стать прекрасным проводником для влюбленной пары, он улыбнулся, предвкушая беседу. В те дни люди еще не были пресыщены средствами связи, которые бессмыслен-

ны, когда между людьми она давно уже потеряна. Раздались хрустящие щелчки диска, сопровождавшие набор номера, – звук, по которому он скучал сейчас, когда повсюду мобильники, и вскоре Варечка взяла трубку. И сразу его спину обдало приятным теплом, словно они пребывали в объятиях. Каждое слово и вздох на той стороне были для него знакомыми, не требующими расшифровки. Они общались пять минут, договорившись, что на выходных он к ней приедет, и те выходные стали лучшими в их совместной жизни. Они были особенными, оба знали это.

Бережно хранил он внутри себя впечатление, в котором витали запахи апельсиновых корок, что сушила бабушка Варе. Тот сентябрь был холодным, и Николай натопил печь. В кухне тикали здоровые часы с кукушкой, и на вылетающее мимо них в трубу время студентам было наплевать. Они были счастливы и не сомневались, что так будет всегда. На долгие годы вперед (счастья не бывает много – в тот момент получил свою долю авансом) Коле запомнилось ее слегка смуглое тело, цвет кожи которого в отсветах белесого пасмурного неба напоминал кофе с молоком. Он восхищался ее аккуратной грудью, прикасался губами к ее сосочкам, а она нежно и игриво смеялась, в шутку его отталкивая. Он любил ее и думал, что, сколько бы времени ни прошло, она останется прекрасна. В этой комнате, в этом времени, в его голове и сердце. Когда они занимались любовью, это было... вроде землетрясения, в эпицентре которого каждой своей клеточ-

кой чувствовал Коля девушку на себе: ее дыхание, прикосновения. Тот момент, помноженный на вечность, составлял всю его жизнь, позволяя чувствовать собственное бессмертие.

Выходя из телефонной будки, он почувствовал внутреннее обновление. И радуга, освещающая его дорогу в общежитие, являлась признаком того, что жизнь прекрасна, а происходящее насыщено смыслом. Чего он не смог понять, – это как человек, которого он так хорошо когда-то знал, сделал выбор в пользу проституции? Что ее к тому побудило: легкие деньги или желание проучить дядю? Стремление пойти против системы или осознание, что или бабки всерьез, или любовь всерьез? Но почему тогда она не вернулась к нему, о чем думала? Ответов на эти вопросы он так и не нашел. Зато нашел, что, если люди перестают быть верными друг другу, они перестают существовать. Поэтому все оставшееся время он осознанно проводил один, оставаясь верным самому себе. До тех пор, пока не сбил Фосю, которая Люся. Люсиль? Почему вслед за Варей, потерянной еще пятнадцать назад, мужчина подумал об этой девушке?

За эти годы, прожитые день за днем, ему стало ясно видно, что найти своего человека можно где угодно: в соседней квартире или во дворе на другом конце города. В коридоре института или закоулках коммунальной квартиры. Всегда – когда вы к этому внутренне готовы, и никогда – там, где вы этого ждете. Собственно, как и с пулей, которая может при-

лететь весьма неожиданно для тех, кого она застигла врасплох: в чужих квартирах, клубах, магазинах. А когда таких несчастливцев слишком много, и все они являются твоими товарищами, – тогда приходишь к мысли, что главное – вовремя съехать, иначе ты следующий. Он верил, что все относительно, и если тебе постоянно везет, то маятник обязательно качнется в обратную сторону. Поэтому, заработав денег на машину и квартиру, Николай был таков – не собирался доходить до черты, за которой вляпается так, что будет не отмыться. Возможности хапнуть были, но он не хотел потерять то, что имел, – свою свободу. А на жизнь хватало.

Он вел автомобиль, размышляя о юной красавице: пошла ли она к тому парню? потратила ли пять тысяч? вспоминает ли о нем? Он чувствовал, что да, вспоминает. Расстояние не мера, иначе почему случается, что люди, буквально очень близкие друг к другу ощущают, что совершенно чужды?

Люся... В конце концов, пока выбор не сделан, все возможно. Лежа в ванной, дарующей расслабление, он вспоминал сегодняшние догонялки. Авария – не самый лучший повод для знакомства, но ведь и Фося не пыталась ему понравиться, так?

– Надо было оставить тебе шарфик на память, а то мало ли, – произнес он, внутренне обращенный к своей сегодняшней спутнице.

Тело отдыхало после насыщенного дня, пока душа очи-

щалась от слоя льда, грязи и песка, являвшихся метафорой для всего, что впитала за последние несколько лет. Николай чувствовал себя свободным, словно не было ни затонувшей подлодки «Курск», ни ужасающего теракта 11-го сентября 2001, ни прошлогоднего захвата школы в Беслане (как же они проглядели?), столь же вероломного в череде событий, выпачкавших душу в мазуте.

Вся эта гадость из его прошлого – личного и коллективно-го – оказалась растворена в горячей воде, будто пыль, протертая влажной тряпкой. Глаза закрыты, ведь это не мешает видеть все, что на самом деле нужно разглядеть. Светлый образ Люси, согревающий его мир внутренним огнем. Коля был у себя дома – здесь, ощущая, что он сейчас там – с ней.

Значит, маятнику личного одиночества пора бы совершить колебание в противоположную сторону. Относительность – странная штука.

26.09.2016 06:00,

Санкт-Петербург

· Известный профессиональный скейтбордист из США. Родился 12 мая 1968 года.

Жестокие времена

Евгению Шамарину

*Под красной лавиной заката
прозрачные слёзы льёт
девчонка, которая не виновата,
что всем дает.*

*Прекрасна судьба поэта
в немытой, позорной стране,
и бедная девочка эта
сегодня придет ко мне.*

Леха Никонов 00.45.15.08.06

Пролог

Асфальт устилала прохладная дымка синевы. Машин той ночью почти не было. Подружки шли по проезжей части, неуклонно приближаясь к пышечной у Финляндского, где они планировали отсидеться после удачной аферы. Таял август. Мимо молодых красавиц прошелестел ветеран войны в Афгане – один из многих, уже виденных. Подвыпивший и грустный космонавт с другой планеты, он двигался на костылях, словно циркуль. Варвара посчитала, что мужчина портит ей пейзаж. Приобняв Надю, девушка крикнула:

– Эй, Акробат! – окликнула она его.

Ветеран недоуменно обернулся на зов.

– Лови! – взвизгнула девушка, показав средний палец. Довольная своим жестом леди не заметила на себе осуждающего взгляда соратницы.

– Воспитываешь вас, воспитываешь... Один хуй долбоебы вырастают! – выдал перл Акробат и, зашатавшись, двинулся дальше.

Варя тоже была под градусом. Они развели на деньги и жратву троих состоятельных кабанов, а это ли не повод для веселья?

Рецепт разводки незамысловат, как все гениальное: вы знакомитесь в казино с состоятельными людьми, строите глазки. Ребята подходят и пытаются понравиться. Играя

в мужика, приглашают девочек в заведение. Там: выпивка, дорогая еда, джазовая музыка.

Самцы думают, что вскоре отвезут вас к себе на randevu. Парням невдомек, что официанты в теме и все уже решили: сумма в чеке завышается в несколько раз, а бабло делится пополам. Ну а чтобы уйти вовремя, можно подать условный знак: поправить волосы, уронить столовый прибор – смотря как разворачивается ситуация. Крайне редко дело заканчивалось дракой между лохами, охранниками и обслуживающим персоналом, и почти всегда мошенники были в плюсе, а идиоты попадали впросак.

– Я же говорила, что кидать их в заведениях прикольнее, чем прыскать клофелин на хатах. – Язык немного заплетался, но она продолжила свой радостный чес. – Нет, я не могу, помнишь их лица?! «Парни, вы не видели двух телок?» Вот умора! – вспомнила Варя двух олухов, выбежавших на улицу в поисках динамщиц. Ради такой картины стоило понаблюдать из-за угла.

– Что? – проронила Надежда, пересчитывая на ходу деньги, залитые желтым светом голых уличных фонарей. Пухленькая и низкорослая, она обладала нежными чертами лица. – Не, не обратила внимания. К другому тянет, – вяло добавила девушка. Той ночью 1995-го она сожалела, что ввязалась в эту переделку, которую подруга находила забавной.

– Романтики подавай? – улыбнулась Варвара, потянув на себя дверцу привокзальной кафешки – слабо освещенной

и с заляпанными окошками. Прошли внутрь. Пахло дешевой едой и чем-то сладким.

– Можно и так сказать, – хихикнула подруга. Выбирая столик, куда приземлиться, она не подозревала, к чему приведет разговор. – Как было в школе, когда целуешься под лестницей, общаешься, даришь друг другу подарки. Такого хочу.

Взяв по паре пышек, девушки присели за столик. Есть им совсем не хотелось, а впрочем, пышечка просто обязана в них поместиться. Лишнее отложится в нужных местах.

– Это проходит, – высокомерно продолжала разговор Варя, закурив сигарету. Шлюха считала себя честнее, умнее и хитрее тех, в чьих кругах вращается и кому отдается. До того, как стать проституткой, каждое утро она просыпалась для того, чтобы выйти на сцену и играть свою роль – серьезно, ведь все так делают. Роль девушки, которой нужны отношения. Той, что верит в любовь и не боится решать проблемы на своем пути без чьей-либо помощи. Даже если на самом деле она знает, что отношения – кандалы, а верность – лишь предпочтение того, кто круче. Круче тот, кто платит по счетам и не задает лишних вопросов.

Если же задает, можно упрекнуть прозорливого негодяя в эгоизме, малодушии и детскости. В некотором роде это искусство – обернуть собственные грехи против того, кто их в тебе распознал. А вывернуть наизнанку можно что угодно. Хвалишься тем, что ты джентльмен? Увидим, как ты себя поведешь, когда я схвачу тебя за язык. Ты не жадный? Что же,

посмотрим, на сколько тебя хватит. Хочешь, чтобы я хорошо выглядела, – плати. Скучаешь? Спасибо, теперь наше время вместе превратится в поводок, который можно ослаблять или затягивать, будто петлю, на твоей шее...

В другом конце кафешки спала на баулах тетка, торгующая тряпками в вагонах. Рядом стыл кофе в пластиковом стаканчике.

– Глянь, настолько устала, что вырубилась, или ждет пятичасовую электричку? – спросила Надя с притворным любопытством.

– Ладно тебе, – махнула Варя, окривевшая с алкоголя, – тому-то не меняй.

Подруга пожалала плечами: мол, хочешь ссоры – будет тебе такое счастье.

– Ты там знаешь, еще скажи. Лошадка ты наша, самая-самая.

Стряхнув пепел на краешек круглой картонки, Варвара кивнула головой в знак согласия.

– Да, я такая.

Уж она-то знала, что к каждому нужен особый подход. И все ради того, чтобы получать от жизни максимум, прикладывая минимум усилий. В общении с мужчинами (сантехник он, головорез или еще кто – разницы нет) нужно исходить из двух основополагающих принципов: одним нужно потрахаться, а вторые в тебя рано или поздно влюбятся, потому что испытывают нужду. И тех, и других можно влегкую

развести, ведь «мужчина должен».

Должен обеспечивать, холить и лелеять, всячески доказывая себе, окружающим, а главное ей, что способен для нее на все. «Служи, дурачок, – получишь значок»... Все это уже не раз объяснялось Надежде, но до нее доходило как до жирафа.

– Сейчас каждый сам за себя, и нужно искать выгоду. Ты посмотри на мужиков. Чего они хотят? Они хотят трахаться, а я хочу красиво жить. Все симметрично.

– Я фигаю, что ты все к этому сводишь. – Надя взглянула на Варвару широко распахнутыми глазами. Инстинктивно она отодвинулась от подруги. «Такая красивая и такая тупица», – подумала Надежда, поправив на груди цепочку с крестиком.

– А к чему, к любви, что ли? – расхохоталась Варя, обнажив ровненькие белые зубы. – Или что, вернешься в кабак да отдашь деньги?

– Им не верну, но и на себя не потрачу, – твердо ответила Надежда.

– Неужели про манеры вспомнила? В борделе впахивали – тебя все устраивало, – съязвила Варвара, думая, что втоптывает собеседницу в грязь. С этого момента она в ней видела не подругу, у которой кантовалась несколько дней, а безмозглую соперницу. – Хочешь вернуться к этой жизни? – спросила она, без всякого удовольствия вспомнив то затхлое местечко: три душевые и шесть комнаток. Перед сексом

мужик должен был помыться, но вытирался обычно грязным вафельным полотенцем, потому что их не успевали стирать. Посетителям полагались тапочки, чавкающие и вечно сырые.

– Ты пиздец, точно робот. Я просто хотела сказать, что скучаю по обычной жизни, когда не надо притворяться, чтобы что-то получить. Той искренности, которая была в школьные годы, – вновь попыталась донести свою мысль Надя.

– Я понимаю, но мое понимание обжигает, как горячий песок, – ответила Варвара, вновь вспомнив случившееся с ней на пляже. Чем бы она ни занималась с тех пор, все превращалось в антураж: секс без любви, наркотики, тусовки. – Уже давно ни о чем таком не думаю, честно. Все меняется, ты тоже изменишься, поверь.

Девушка лукавила. Обвести лоха вокруг пальца – вот что ей было интересно. Эмоции были важнее денег. Кошелек шел в подарок, благо добрых людей хватает. Раньше «зелеными» ее спонсировал Туз, а теперь приходилось вертеться самой. Ненадолго, ведь любовь в сущности – наркотик...

– Не дожدهшься, – сказала Надя, доедая пышку. Сахарная пыльца сыпалась на столик.

Варе надоел гнилой базар подруги.

– Пфф, ну а что ты хочешь услышать? Что я тоже по этому скучаю? Или ждешь извинений? Не умею я любить. Разучилась, не хочу, не знаю! – Громкостью своей тирады Варвара нарушила безмятежный сон дрыхнувшей посетительницы.

– Вот поэтому я больше не хочу иметь с тобой ничего общего. Не мне тебя пугать, что бабы быстро портятся.

– Что ты несешь... – прошипела Варя бывшей подруге.

– Шоссе теперь твой дом, ко мне не возвращайся. Не зря Туз тебя на улицу выставил, дуру, – добила потаскуху Надя, не обращая никакого внимания на серую пелену, пущенную в глаза. Перед своим уходом она решила вбить последний гвоздь в голову потаскухи, попросившей у нее приют.

– Без тебя разберусь, коротышка жирножопая!

– Вперед, – сухо ответила Надежда и, совершив реверанс, продефилировала прочь из кафе.

Варвара осталась наедине со своей грустью. Одиночество доказывало, что мир полон лжи и лицемерия. Вот она, благодарность за то, что девушка вытащила соратницу из борделя, который разнесли в хлам люди Туза. Достаточно было напеть криминальному авторитету, что их там обижали. Как человек сентиментальный, он расчувствовался и принял меры. Она думала, что эти меры никогда не будут приняты в отношении нее, но просчиталась. Просчиталась и сейчас, полагая, что Надя не бросит ее одну. Ну и пусть.

В приступе самобичевания Варя затушила остаток сигареты о внешнюю сторону мизинца. Обжигающая нежную кожу боль обрела красный оттенок, пропитавший салфетку каплями. Наказание за черствость.

Когда полегчало, девушка вышла вон. На воздухе ей стало лучше.

Шагая по площади Ленина, Варя вспомнила, что в Бурятии отгрохали самую большую в мире скульптуру головы Ильича:

– Мозговитый был парень. Соображал, – рассказывал ей мальчик из Улан-Удэ на какой-то пьянке в угрюмой «сталинке», среди шума и гама подвыпившей молодежи. Сначала он косил под приличного, был скучным, а когда расслабился, начал мочить шутки, человеком стал – пододвинулся поближе, заглядывался на ее грудь. Лихой, пьяный...

– Вожди понимали: размер имеет значение. Хотя все вы любите причиндалами хвастаться, а как до дела дойдет...

– А пойдем, свои покажу, – предложил он ей, заговорщически посмотрев на чуть приоткрытую дверь в ванную комнату.

– Веди-веди, если есть что смотреть.

Памятник, установленный напротив вокзала, грозно возвышался над городом, испарывая собой фиолетовое августовское небо. Питерский монумент был не таким большим, как в Улан-Удэ, но все равно выглядел внушительно. Варвара посмотрела на революционера, обходя изваяние по кругу. Казалось, Ульянов [1] вот-вот раздавит профурсетку – накроет сапогом, спрыгнув с постамента.

Знала бы она, какой подарок ожидал его в будущем, ни-сколечко бы не боялась! Факт в том, что 1 апреля 2009-го Володьке подорвали бронзовую жопу. Вскоре копию покалеченного основателя СССР спрятали в деревянный ящик

и отправили на реставрацию. В теленовостях сказали, что сквозное отверстие проделали местные активисты-хохмачи. Шутников так и не нашли.

Реальность снова вышла на передний план, оттеснила назад воспоминания. Оставив позади историческую фигуру, Варя осмотрелась в поисках бомбилы... Но вместо тачки уставилась на Акробата, облокотившегося на деревянный костыль. Покалеченный войной дядька деловито пересчитывал деньги, ниспосланные ему небесами (в лице Нади). Являясь неприкасаемым, инвалид вел бухгалтерию, совсем не опасаясь нападения гопоты. Участники боевых действий всегда стояли стеной друг за друга, понимая, что не нужны государству, объединялись. Этого, скорее всего, крышевали.

Поразившись поступку коллеги, Варя взяла себя в руки. Ни к какой Наде она теперь не поедет. Нащупав в кармане пару двухкопеечных монет, рванула к телефону-автомату, сулящему спасение. Монетка пропала в чреве жестяной коробки. Замерев, Варвара надеялась, что трубку поднимут люди, на которых она так долго плевала.

Набравшись наглости, девушка позвонила Вовану. Вован, он же Беспалый, был близким другом Туза и занимал особенное положение в криминальном мире, которым управлял этот человек. Почему так, она не знала, в курс дела ее не посвящали, и очень скоро любовница преступника обиделась на обоих мужчин. Неудивительно, что Вован отказался с ней разговаривать.

Телефонная трубка прерывисто пульсировала в ухо. «Давайте, ребята, Королева не привыкла ждать», – заерзала девушка в нетерпении.

Господин Туз тоже проигнорировал ее вызов. Свои последние надежды вернуть утраченные позиции Варвара связывала с Беспалым, потерявшим несколько пальцев на войне – отрубили. Отделался малой кровью, если учесть, что идейный гангстер побывал в чеченском плену.

– Привет! Беспалый?

– Да, Беспалый. Че надо? – ответил бандит, узнав звонящую по голосу.

– Отвези меня к Тузу домой, пожалуйста.

– Нужна ты здесь больно. Пацаны, прикиньте, она к папочке захотела, – обратился он к парням.

– Я очень тебя прошу, – жалобно захныкала девушка.

– Туз не хочет тебя видеть, – издевался над ней приспешник криминального авторитета

– Это неправда.

– Уже поздно. Шеф сейчас за городом.

– Ты отвезешь меня к нему или нет?

– Отвезу, отвезу. Не ной, – с нотками досады в голосе согласился бандит.

– Спасибо, миленький. Я на Финляндском буду ждать, увидишь.

– Да сиди уже, разберемся. Ща приеду.

– Спасибо, Беспалый.

Вместо ответа ухо наполнили гудки.

«Ща» оказалось понятием растяжимым. Прождав с полчаса, когда ее заберут, девушка была довольна, что еще не очень холодно. Летали какие-то насекомые. Боясь, что Беспалый ее не найдет, девушка отказалась ждать на вокзале. Отказалась она и тогда, когда к ней подъехал бритоголовый, принявший ее за шлюху.

Из-за опустившегося стекла «мерса» показались раскосые глаза водителя.

– Привет. Сколько возьмешь?

– Че? – спросила она с наездом и презрением в голосе, будто незнакомец ошибся и оскорбил девушку до глубины души. Она догадывалась, что за такой базар легко могла получить по лицу, ведь клиенты попадались разные, да и Туз оказался не промах.

– Сколько ты за час берешь, корова?

– Нисколько. Я друга жду. Ехай.

Харкнув ей под ноги, косоглазый уехал.

Буквально в следующую минуту ей посигналил Беспалый, припарковавшийся через дорогу. Оставив передние габаритные огни включенными, он вышел из машины и помахал Варваре рукой. Дважды приглашать девушку не стоило, она прибежала сама. На лице заиграла улыбка, которую Варвара не су-

мела спрятать.

Сперва молчали, но потом завязался разговор. Беспалый, испытывая неудовольствие погодой, сказал: «Скорее бы зима». Она спросила, почему, и он ответил, что холода сосредотачивают.

– А вообще я люблю ноябрь. Люди прячутся от холодов. Идешь по улице, а с деревьев срываются листья. И еще снег меня прет. Первый редкий снег, как перхоть или пепел ядерной зимы. Вот что я люблю.

Он не стал углубляться в рассуждения и умолчал, что не любил август, поскольку именно летом прошлого года побывал в плену. Голодный и завшивелый, в грязных коростах землисто-песочного цвета, из которых сочился гной, он уже путался во временах года, когда его вызволили свои. На обратном пути из чеченского аула ребята попали под огонь. Их БТР подорвали, и он оказался единственным, кто выжил, не получив ни единого ожога.

Сослуживцы считали это чудом, но Владимир не считал себя героем, а тем более бессмертным, и ничего чудесного в случившемся не находил. Напротив, отсутствовавшие большой и указательный пальцы правой руки постоянно напоминали человеку о том, какой ценой – ценой жизни парней, пришедших ему на помощь.

«Приказ есть приказ, но лучше бы я сдох в плену, чем жить в кредит, мам», – скажет он матери, вернувшись домой. Слова жестокие и ужасающие, не те, которые ожидает услы-

шать женщина, встретив своего сына на пороге, но что ты будешь делать?

Все изменилось – страна, люди, судьбы... Раньше его это не волновало, но теперь, еще до дембеля он изменился сам, начал видеть ясно и по-взрослому: видел, что морщинки на лицах любимых родителей стали другими, более заметными, а глаза печальней; видел, что народу нечего жрать – надо крутиться, чтобы выжить, а сил не прибавляется, но главное – понял, что мирное время ни фиги не мирное.

Здесь, на гражданке его внутреннее время стало протекать иначе, да и опыт, полученный на войне, забрался под шкуру, не отпускал. Денег не было, не было и работы, невозвратимость тех парней окунала его сердце в лаву, и оказалось, что как раньше жить невозможно. Короче, если бы не знакомство с Тузом, человеком, вернувшим его в строй, Вован бы скис, оставив родных доживать в нищете.

Криминал – это риск, но жить вообще рискованно. К тому же Туз сразу вызывал к себе уважение, особенную тягу: с ним хотелось общаться, ему хотелось служить. За него можно было умереть.

У главного был порядок с головой, вот почему он набирал в свою преступную группировку идейных, нежели уголовников-рецидивистов. Людей, которые не боялись преступать закон, но зато имели свои принципы и запреты.

Ему нравился такой подход к делу. Чего он никак не мог понять, это почему босс таскается с этой шалавой, за кото-

рой Беспалый поехал, потому что знал, насколько она важна для шефа.

– Девочка, ты не смотри на мой обрубочек. Сама знаешь, что я переучился спускать крючок левой, – сказал ей водила, заметив боковым зрением, что Варя пялилась, как бракованная правая рука держит рулевое колесо. – Ты думаешь, что тебе все позволено, не врубаешься, что тебя просто не трогают.

С этими словами он впервые за время поездки повернулся к ней.

– За что вы все меня так не любите? – спросила Варя, пожившись.

– Тебя любит Туз. Только тебе на него все равно. Хорошо хоть фингал тебе поставил, понял, кто ты такая... Я бы вообще без глаз тебя оставил.

– Зачем?.. – стыдливо спросила она, погладив пожелтевшее пятно под глазом. «Еще заметно, но очки уже не нужны», – решила девушка.

– Молчи. Я сейчас тебя подвожу из уважения к шефу. Между нами с тобой разница всего лишь в понятиях. Для меня они существуют, для тебя нет. – Беспалый знал, о чем говорил.

Война показала, на что в людях стоит обращать внимание. Показала она и то, что даже в мирное время долг, честь и пацанская дружба – не пустой звук.

– Тогда зачем ты согласился приехать?

– Воспитание, вот в чем дело. Сейчас мы приедем, я тебя высаживаю, и не дай бог (Бога нет, но все равно) тебе пискнуть! Не любят ее... Ты вот кого любишь, ну?

– Себя, – ответила она, посмотрев в окно. Во мраке еле-еле проступали очертания линий электропередач. Они напомнили ей костыли Акробата. «Интересно, где он сейчас?» – спросила девушка себя, спасаясь таким образом от продолжения разговора.

– Вот и я о том же. Не понимаешь, что однажды ты можешь лечь спать и не проснуться утром.

– Это угроза? – выдавила из себя вопрос Варвара. В разговоре с Надей она чувствовала себя гораздо более уверенной.

– Это факт. Если не мы, то кто-нибудь другой тебя загасит. И то, что я тебя подобрал, пусть будет твоим вторым шансом, отсрочкой перед тем, как зазвенит будильник.

Варя закатила глаза, делая вид, что устала слушать красивые аналогии. Она мечтала оказаться у Туза. Где угодно, лишь бы не слушать нравоучений Беспалого. Все потому, что она понимала: его доводы, простые и верные, крыть нечем.

Туз рассказывал, что участок, на котором он обосновался, был куплен за смешную цену – пару ящичков безакцизной водки из Казахстана.

Вспомнив об этом, Варвара улыбнулась. А вот местным, конечно, было не до смеха. Но что она могла поделаться? Да и, честно говоря, не хотела.

Молодым, из тех, кто не сидел на героине и заимел соб-

ственные семьи, не до него – свои бы вопросы порешать, – а вот бедные пенсионеры с неприязнью поглядывали на дом Туза, огороженный высоким забором. «Все Горбатый, сука, и Ельцин, бля, дебил!» – шамкали беззубыми ртами старики, собирая бутылки. Образ жизни Туза был недоступен пониманию, далекий от дедов, как их юность. Советская Россия умерла, а они, преисполненные недовольства и страданий, остались в России обновленной, сиротливой и мельчающей. Демократичной.

За поворотом сквозь деревья показался дом шефа – постройка, держащаяся особняком, разительно отличающаяся от соседских. Окаймленная туманом шоссежных фонарей, крыша напоминала колючие иглы гигантского ежика. Подобрав сравнение, Варя подумала, что квартирки местных жителей рядом не стояли с таким жилищем. Глядя на заостренные мансарды загородного дома, любой понимал, что соперничество с Тузом – то же самое, как заказать себе путевку в крематорий.

Заглушив мотор в ожидании, пока автоматические двери распахнутся, Беспалый закончил свою мысль:

– В общем, если в голове что-то осталось, думай. А не тем местом, каким привыкла.

– Как скажешь.

Беспалый кивнул, удовлетворенный ее краткостью. Ворота открылись.

– Ну все, вылазь и проваливай, – сказал он ей на проща-

нье, всем своим видом показывая, что не собирается подвозить царевну к крыльцу босса.

– Хорошо, – согласилась девушка, не на шутку испугавшись. Впервые за долгое время. А ведь еще несколько дней назад она думала, что главный козырь в ее кармане и бояться нечего.

[1] В середине двухтысячных услышал такую характеристику его деятельности:

– Хотел отомстить за брата, а отомстил всей стране. – Говорит один мужик другому.

Емко и понятно. Запомнилось (*прим. автора*).

1

Если выяснится, что Бог есть, то Варя от чистого сердца поблагодарит Всевышнего за подарок в виде заветного треугольничка, проступающего спелым персиком книзу от живота. Очень рано девушка поняла, что вокруг этой нежной розоватой мохоульки вращалось *все* мироздание. То, что для одних – лишь дырка, для других является путевкой в жизнь. Детей она не хотела, хотя понимала, что при желании способна родить. Зачем, если можно решать свои вопросы за чужой счет, только намекнув, что готова раздвинуть ноги? В сухом остатке остается лишь секс – товар, который всегда найдет

своих покупателей, каждый из которых хочет быть постоянным, любимым и единственным. Девушка считала, что в пору душевных коммуналок с обшарпанными стенами и картонными дверьми, квартирок, где барыги бадяжили дурь или дураки дышали клеем, – высокие отношения некстати.

«А как же человеческая способность любить?» – спросили ее однажды гуманисты, чтобы ахнуть от возмущения, услышав мнение нашей героини. Слово «встречаться», отвечала Варя, означает трахаться с одним человеком больше одного раза, а «любить» – заключить себя в кандалы, лязгающие по тюремной камере, чтобы отбыть срок вместе с несбыточными мечтами и надеждами.

Девушка не хотела отвечать на вопрос, кто в этом виноват, потому что нынешняя жизнь ее устраивала. И чем труднее жизнь, тем сложнее побороть искушение вернуться к звериному состоянию, в котором позволено все что угодно.

Некоторые полагают, что в России кризис начался с момента основания. Мы не станем заходить так далеко, но отметим: уже в конце 1980-х население кормилось преимущественно тем, что росло на грядках. «Суп из семи залуп» – расхожее выражение того времени. В магазинах были перебои с провиантом, и зарплату люди видели раз в полгода из-за задержек. Горбачевская пайка в виде талонов на вещи и продукты лишь усилила очереди и высокий спрос на дефицитный (редкий) товар у спекулянтов (это все было и при Брежневле).

В пору правления Михаила Сергеевича отказались от преследования инакомыслящих, появилась гласность и закончилась Холодная война. Он же, в числе прочих, придал Стране Советов – организму, позже объявленному нежизнеспособной формой существования государства – ускорение, необходимое для перестройки.

Начатая при Горбачеве антиалкогольная кампания закончилась в 1988-м, когда трезвость наконец-то стала нормой жизни. Вопреки расхожему лозунгу народ, всегда чутко реагирующий на спускаемые сверху меры, продолжил бухать...

Огромным спросом пользовалась жидкость для мытья стекол, в народе называемая омывайкой. Ради дешевизны продавали ее в пакетиках. Омывайка была двух цветов: синенькой и розовенькой. Студенческая молодежь, если хотела порадовать девушек, выбирала розовую. Другой прикол поры дефицита: буквально «баночное» разливное пиво. Местная интеллигенция справедливо полагала, что проще и дешевле пить пиво из литровых банок из-под соленья и варенья, нежели из кружек и прочей тары. Во все времена люди находили место романтике.

В Питере первой половины девяностых романтики девать было некуда.

По улицам города на Неве – его венам – бродило множество стариков, торгашей, убийц и беспризорников. Последние сновали повсюду, хрустя босыми ногами по косточ-

кам Советского Союза. Озлобленные, отчаянные и лишенные детства ребята служили симптомами беззакония, хронического, как кашель курильщика. Пробриться в нормальную жизнь им было сложнее тех, кому повезло иметь нормальных родителей.

С родителями или нет, дети всегда оставались детьми. Общались, искали и находили общее. И те, и другие фанатели от фильмов с Чаком Норрисом и Джеки Чаном. Пока одни коллекционировали вкладыши с жвачек «Love Is», смотрели «Утиные истории» по телику и разглаживали свежие наклейки в журналах типа «Mortal Combat», другие находили утешение в драках и в употреблении запрещенных веществ. На чердаках оголенных бедностью домов обитали бомжи, покуда в сырых подвалах загнивали наркоманы. Их распухающие трупы напоминали мумии, не подлежащие восстановлению.

И если даже в такие жестокие времена дети умели дружить, искали и обретали любовь (в чем везло не всем), то для Варвары Love была в дефиците. Ее недостаток компенсировался блядками, приносящими лавэ, т.е. деньги.

90-е годы были временем, когда нищета сосуществовала с возможностью быстрого и незамысловатого обогащения («поднимались» кто на чем). Средней руки коммерс (человек, которому было что продавать – например, контейнер просроченных дешевых турецких жвачек в подвале на Сенной, видеокассеты, сигареты, шмотки) влегкую тратил пять-

сот долларов за вечер, при средней стоимости проститутки в сто баксов*.

Но, что еще важнее, секс отрубал от происходящего, в котором она не находила себе места. Поэтому без угрызений совести девушка зашла в очередной подъезд, и получасом позже scarface уже имел ее с дурацким придыханием (все эти охи.. крехи... Смех!).

«Идиоты с хоботками между ног», – отзывалась она о своих заказчиках. Когда Надя спросила, с чего она взяла, девушка ответила: «Только дураки платят за то, что могут получить даром».

Девушка превратила себя в товар, однако не забыла, что любовь не купишь.

Первый этаж. Второй. Третий. Шагая вверх по ступенькам, она слышала знакомые звуки: стоны и бряцанье ременной пряжки по подоконнику. Улыбнувшись, она увидела сквозь решетки лестничной клетки двух сношающихся подростков. Не желая быть кайфоломщицей, вероломно испугавшей малышню, девушка достала пачку привезенных из Германии сигарет «Marlboro» и закурила, сверкнув огоньком зажигалки. Не успела она сделать и нескольких затяжек, как представление подрастающего поколения закончилось. Цветы жизни на могилах родителей стыдливо прошмыгнули мимо проститутки, которая этого давно не стеснялась – знала себе цену. Юнец, который только что трахал свою белобрысую подружку, похотливо облизнулся, капая слюной

на дырявые кеды, и скрылся из виду.

«Боже, как они все похожи», – думала Варвара о тех, кому было нужно ее ухоженное тело. Как же не хотеть жгучую, спортивную девушку, обладающую роскошными мелированными волосами? Она не одобряла никаких пошлых излишеств вроде накладных ресниц, дешевого блеска для губ, напоминающего рыбью чешую, и не собиралась ложиться под нож ради пластической операции. Зачем, когда можно ходить на тренировки?

Тренажерка была для нее сакральным местом, где не только можно поддерживать себя в надлежащей форме, но и ловить на себе взгляды потеющих кабанов, снедаемых вождением. По правде говоря, Варваре нравилось шлифовать свое тело до той формы, когда бы она чувствовала себя желанной с точки зрения парня. Стройные ножки, подтянутая попка, никакого жира в предплечьях и на талии. Что тут говорить о тех, кто мечтал провести с ней время?

Эти люди жили обычной для России жизнью. Ее вызывали женатые и разведенные, молодые и постарше. С ней трахались чужие мужья, пока жены забирали детишек из школы или были на полпути к дому; ее дырявили в элитных квартирах и стремных полуподвальных помещениях. По праздникам и в будние дни... Все как всегда. Потом они разбежались и жили прежней жизнью. С рядовой клиентурой Варвара принципиально не спала дважды. Она имела право выбирать, к кому прийти, а кого «опрокинуть». Интересно, что

клиенты, вызывающие блядей впервые, заметно нервничали, когда все заканчивалось. А связанные узами брака были опытны, но поспешны, стремясь успеть скрыть свой стыд с места преступления до прихода благоверной.

По правде говоря, она могла не заниматься блудом вообще. Все потому, что в борделе, где она начинала заниматься проституцией, ее выбрали в качестве ночного развлечения для криминального авторитета, о котором в Петербурге не слышал только ленивый или уже мертвый.

Он развлекся настолько хорошо, что решил взять девушку под свое крыло, обеспечив всем необходимым. Варя была совсем не против такого покровительства (бьют – беги, дают – бери), тем более что бордель, к которому она в некотором смысле успела привыкнуть, накрыли менты.

Обжившись у Туза за пазухой, она расслабилась, и тут выяснилось, что этот влиятельный человек запланировал создать с Варенькой семью. Можно ли ожидать, чтобы в голову мужику, держащему на коленях добрую половину города, пришла на ум более бредовая идея?

Он хотел сделать ее послушной, а когда понял, что дрессировка не прошла, благородно предоставил профурсетке право заниматься тем, чем ей хочется. При условии, что девушка останется с ним. Наивный.

С ним она спала зачастую, но не слишком, чем ставила уважаемого мужчину в подчиненное положение. Любой здоровый на голову бандит пришел бы ее за малей-

ший каприз, тогда как этот, наоборот, решил пойти ей навстречу и предоставил Варе «некоторую свободу передвижения». Романтик не врубался, что нельзя ограничивать то, чего не в силах отнять.

Позвонив в дверь, за которой ее ждал очередной трахарь, она поправила свои роскошные волосы. Несколько лет назад, стыдно вспомнить, она покрасила их в зеленый цвет, это казалось смелым решением. Куда уж смелее после того, как ее родной дядя, эта коммунистическая падаль, пустил девушку по рукам в Анапе. Сука.

Выпендрился перед своими друзьями, превратив лалару в подстилку, вот и получил пулю в лоб. Должна же быть польза от знакомств с людьми, которых лучше не знать.

Наконец дверь распахнулась. Чурбан с рваным шрамом на правой щеке одарил ее пошлой улыбкой и, вытащив зубочистку изо рта, пригласил:

– Заходи, тебе тут понравится.

– Долго ждал? – спросила она, виновато улыбнувшись лицу со шрамом.

– Нормально, нормально.

Пройдя внутрь, она услышала, как в одной из комнат играла музыка. Звучала новая песня «Агаты Кристи». «Я на тебе, как на войне, а на войне, как на тебе...» – очень актуально.

– Хорошая музыка.

– Благодарю.

– А гроб нафига? – спросила она, увидев в дверях первой из трех комнат ящик. Посылка в иной мир готовилась к отправке.

– На днях матуля завернется, ждем. Старенькая она у меня, – последовал ответ.

Варвара спросила, куда же подевалась клиентка похоронного бюро, и выяснилось, что мужик, вызвавший девушку на часок...

– Отправил ее за продуктами.

– Серьезно?

– Да, там и помрет, в очереди за хлебом. Или подумала, ящик для тебя?

– Очень смешно, – усмехнулась девушка, представив, что произойдет с тем, кто заколотит ее в домок из шести досок. Не дождавшись, пока вернется фаворитка Туза, пара коренастых дубинушек, одинаковых с лица, выйдут из новенькой иномарки. Скрипнув туфлями, поднимутся на нужный этаж. Интеллигентный стук в дверь, а дальше, как в сексе с нелюбимым человеком, – дело техники. А техника в наше время значит многое. Извращенца пропустят через мясорубку или оставят подыхать, выпустив внутренности наружу... Фу. Охрана сопровождала любимицу Туза в те дни, когда она выходила на работу. В остальное время девушка была предоставлена самой себе.

– На самом деле, когда ее не станет, комнату еёнюю я хочу сдавать. Будешь тут жить? – спросил клиент, наклоняясь,

чтобы высосать из нее поцелуй.

– Мне есть где, гран мерси, – возразила Варя, утаив, что спит с самым влиятельным человеком в городе.

От поцелуя она не отказалась, ведь пора начинать работу.

– Ладно, потопали. – Оторвавшись от ее губ, словно слепень, он приобнял девушку за талию. Рот ее казался испачканным в мазуте, но она не подала виду. Проститутки – лучшие актрисы. Актрисы, которым известна простая истина: матриархат никуда не делся.

– Конечно, жду не дождусь, – сказала она, поддерживая флирт – игру, столь обожаемую взрослыми во всем мире.

– То есть ты знаешь, что тебя ждет? – спросил простак, свободной рукой снимая потертые джинсы.

Оба знали, что будет дальше. Серьезно. Варя легко обошлась бы без этих ритуальных плясок.

За несколько лет подобной работы, без которой она уже не представляла свою жизнь, Варя научилась отстраняться от происходящего. Обычно как – глядишь такая в потолок или разглядываешь деревья за окном очередной квартиры, в которую пришла. Постонала пару раз, и нормально. В особенно запущенных случаях, если нельзя было сконцентрироваться на процессе, лежишь себе спокойненько и ждешь, когда все закончится, в голове проносятся мысли вроде «Вау, какие интересные обои», «Ммм, вот это занавески», «Как же борщом пахнет, чувак, ты куда меня привел?!» или даже: «Эх, завтра бы в театр».

Какая бы ни была обстановка, правила были ясны: перепих только через презерватив и никаких разговоров после. Как максимум – расслабляешься и получаешь удовольствие. Как минимум – засекаешь оплаченное тебе время, медитируешь, пока этот хрен чувствует себя мужиком, прогуливая пыпыську в твоём лоне. Нет никакой тебя, потому что ты не человек, а шлюха – тело с физиологическими отверстиями.

Кончив от счастья, он полагает, что ты – вещь, оказавшаяся в его власти. Клиент всегда прав. Пускай думает что хочет.

– Пойдем, дорогой. Покувыркаемся.

Кувыркания в постели превратились в долгую песню, будто записанную на аудиокассете с зажеванной пленкой. После первых двадцати пяти клиентов она перестала вести им счет. Песня проигрывалась по кругу, и величайшим благом было то, что в любой момент она могла соскочить с темы, находясь на особом положении у Туза.

Мужики... Понравиться этим тварям было, как она считала, делом техники: иногда достаточно показать голую ногу, а иногда приходится притворяться заинтересованной. Конечно, это бывает утомительно, но чего ни сделаешь, преследуя собственные интересы. Главное скрывать свои истинные намерения. Макияж, манеры, опора на интеллект – все это будет лишь инструментами для того, чтобы держать ухаже-ра на крючке. Наживку, имя которой красота, он проглотит

сам, а остальное – мелочи, не достойные внимания. Каждая встреча – выгодная сделка. Каждая проведенная в чьих-то объятиях ночь – инвестиция в себя, слабую, зависимую и такую желанную.

* Квартиру можно было приобрести за восемнадцать-двадцать тысяч долларов (*прим. автора*).

2

Туз жил на Малодетскосельском проспекте, 24 – в старинном доме второй половины девятнадцатого века – испорченной и утраченной Российской империи – эпохи, которую не спасли, но которой он всегда интересовался.

В ценах на недвижимость очень важно ее расположение. Место оказалось выигрышным и козырным, но не оно и не деньги стало определяющим в выборе.

Он полюбил семиэтажный дом с мансардой, упирающейся шпилем в небо, едва узнал, что раньше в этих стенах содержался детский приют. Теперь даже не верилось: дом осыпался и ветшал, рыжий от старости, сам будто осиротевший и потерянный, он намекал, что революции неминуемо приводят к катастрофе, неизбежной, но оттого не менее ужасной.

Осматриваясь здесь впервые, Туз с грустью осознал детскую мысль о том, что политические режимы веками будут

сменяться, один сжирая другого, перемалывать собственный народ как нечто вторичное в борьбе, разламывая и искажая прошлое: «Будут ломать и строить, строить и ломать, пока очередной дом не треснет по швам и не провалится в Тартар».

Был вариант поселиться в элитном жилье напротив Смольного – ближе к власти, но он не стал (от этих рожворотило наизнанку) – вместо этого купил постройку (отжал, как потом говорили), начал потихоньку реставрировать, возвращать бывший приют к жизни.

Достигнув желаемого, Туз не успокоился – какой лидер не ищет себе новых вызовов? Задумался о наследниках – захотел расширяться, отгрохал загородный дом, шутливо именующийся дачей.

Да и Варвару отыскал вовремя. Где же она? Подарок судьбы...

Отложив чертежи с многочисленными пометками на массивный дубовый стол, за которым сидел, Туз выпил коньяка. Вникать и читать сейчас не хотелось. План, который подготовил дизайнер, чтобы поднять «дачу» на должный уровень, не лез в голову.

Иностранец, нанятый ребятами Туза для работы над проектом, соображал. Когда шокированный знакомством с «русской мафией» и реалиями середины девяностых, финн оправился от испуга, стало ясно, что парень не промах.

Дизайнерское рвение к работе нравилось криминальному

авторитету. Было видно, что очкарик знает, о чем излагает. Сегодня он сумел доказать, что смешение стилей не сработает и будет выглядеть скорее безвкусно, нежели дорого и богато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.